АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ТЕЗИСЫ

докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве

(сентябрь 1965 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1965

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт археологии

ТЕЗИСЫ

докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии

(сентябрь 1965 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

П. Н. Третьяков

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

1. В археологических исследованиях, посвященных этнической истории восточного славянства, большое место занимает зарубинецкая культура конца I тыс. до н. э. и начала н. э. Если раньше эта культура выглядела как узко локальное явление, ограниченное пределами Киевского Приднепровья, то теперь стало известно, что зарубинецкие племена занимали широкие пространства в Среднем Поднепровье, включая бассейн Припяти и нижнее течение Десны. Новые данные о зарубинецкой культуре позволили уточнить ее хронологию, выявить локальные варианты и по-новому подойти к вопросу об ее происхождении (Ю. В. Кухаренко).

Не раз археологами ставился вопрос о генетических связях среднеднепровских раннесредневековых славян с зарубинецкой культурой. В последние годы в области Среднего Поднепровья были найдены многочисленные славянские поселения VI—VIII вв., исследователи которых не раз отмечали в своих материалах зарубинецкие реминисценции (В. Н. Даниленко, Д. Т. Березовец, П. И. Хавлюк, Ю. В. Кухаренко). Правильной оценке этого явления препятствовал, однако, большой хронологический интервал, разделяющий в Среднем Поднепровье зарубинецкую и раннесредневековую славянскую культуры, и то что их отделяла друг от друга черняхов-

ская культура II—IV вв. (а может быть, и V в.), этническая интерпретация которой является спорной. Эта культура представляла собой своеобразное явление, сложившееся в условиях римской периферии, и не связанное, по-видимому, с каким-либо одним этносом. В области Среднего Поднепровья эта культура не имела прямых генетических связей ни с более ранней зарубинецкой культурой, ни с более поздней — раннесредневековой славянской.

2. В последнее время в области Поднепровья к северу от ареала черняховской культуры были найдены многочисленные позднезарубинецкие древности, свидетельствующие о том, что в черняховский период зарубинецкие племена отнюдь не исчезали с исторической сцены, как это казалось еще совсем недавно (Ю. В. Кухаренко).

Их древности — места поселений и остатки могильников — имеются в Киевском и Гомельском Поднепровье, в нижнем течении Сожа и в бассейне р. Десны, вдоль которого позднезарубинецкие племена особенно далеко проникли на север. Движение их из Среднего Поднепровья и бассейна Припяти в северном и северо-восточном направлениях началось еще на рубеже н. э.; оно усилилось в результате распространения в Среднем Поднепровье черняховского населения.

Культура позднезарубинецких племен была теснейшим образом связана с зарубинецкой культурой Среднего Приднепровья и бассейна Припяти, являясь ее дальнейшим развитием. И напротив, она существенно отличалась от культуры местных верхнеднепровских племен (юхновских, милоградских), принадлежавших, по-видимому, к восточнобалтийской группе. Отмечены факты, свидетельствующие о значительном влиянии культуры зарубинецких племен на более примитивную местную культуру.

Позднезарубинецкие древности датируются позднелатенскими фибулами (I—II вв.), украшениями прибалтийских типов (I—IV вв.), находками на поселениях отдельных черняховских сосудов.

3. В южных и восточных частях Верхнего Поднепровья и в поречье Десны в результате археологических исследований последних лет были выявлены и исследованы не только позднезарубинецкие, но и более поздние

древности — середины и третьей четверти I тысячелетия н. э., до сих пор оставшиеся почти неизвестными археологам. Это остатки поселений с квадратными жилищами-землянками и ямами-погребами колоколовидной формы, отдельные городища-убежища и могильники с трупосожжением — бескурганные и курганные (Смольянь, Белокаменка, Посудичи, могильники Кветунь и Усох на Десне, Адаменка, Нижняя Тощица, Новобыховский могильник, Колочинское городище и многие другие на Днепре). Керамика, происходящая из этих поселений и могильников, включает в свой небогатый ассортимент высокие биконические сосуды и миски реберчатых форм. По всем основным признакам эти древности представляются остатками культуры, возникшей на основе охарактеризованной выше позднезарубинецкой. Форма жилища, погребальный обряд, биконические и реберчатые профили сосудов — все это ведет непосредственно к позднезарубинецким традициям. Зарубинецкие элементы в керамике были особенно отчетливы в середине I тысячелетия н. э., чем позже, тем они становились менее заметными.

Как известно, в истории культуры многих стран Европы середина I тысячелетия н. э. была временем коренных изменений, вызванных большими политическими и социальными явлениями. На широких пространствах в течение короткого срока материальная культура заметно огрубела, она утратила тот внешний лоск, который столетиями распространялся — непосредственно и опосредственно — Римской империи и ее провинций. Позднезарубинецких племен Верхнего Поднепровья и их прямых потомков, живших в отдалении от главных исторических магистралей этой эпохи, это явление, тотальное для культуры среднеевропейских племен, коснулось в малой степени.

Изменение культуры шло здесь сравнительно медленно, эволюционным путем. Известную роль при этом сыграло влияние культуры соседей — верхнеднепровских балтов. В частности, к потомкам позднезарубинецких племен нередко проникали украшения, распространенные в балтийской среде. Но в целом культура верхнеднепровских балтов (керамика, форма жилища и др.) была совсем иной (Тушемля и другие памятники северных областей Верхнего Поднепровья), за исключением

тех местностей, где, как можно думать, шел энергичный процесс ассимиляции балтийского населения.

4. Отмечая зарубинецкие традиции в культуре племен южных и восточных областей Верхнего Поднепровья в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э., вместе с тем нельзя не указать, что их культура представляла собой не что иное, как вариант славянской раннесредневековой культуры, известной во всех старых славянских землях. Ее основными чертами являлись: расположение поселений на низких местах, у воды, прямоугольные жилища-землянки с очагами или печами в углу, колоколовидные ямы-погреба, могильники с трупосожжениями. Новыми элементами культуры были отдельные городища-замчища, «расцвет» которых относится к концу I тысячелетия н. э., а также появившиеся во многих местах курганы с трупосожжениями.

Известно, что наряду с этими общими чертами культуры, объединяющими в третьей четверти I тысячелетия н. э. большинство славянских земель, в культуре разных частей славянства имелись и свои специфические особенности. Заметной особенностью днепровских славян — потомков зарубинецких племен — были охарактеризованные выше биконические и реберчатые профили керамических изделий.

5. В третьей четверти I тысячелетия н. э. днепровские славяне продолжали расширять область своих поселений. Они вышли в северные части Поднепровья и проникли далеко за их пределы. Вместе с тем в этот период они раздвинули свою территорию и в южном направлении, заняв обширные пространства в Среднем Поднепровье, по-видимому, не имевшие постоянного населения после того, как в IV—V вв. прекратилась жизнь на черняховских поселениях. Здесь имеется в виду большая группа славянских поселений третьей четверти I тысячелетия н. э., исследованных украинскими археологами (Д. Т. Березовец, В. П. Петров, П. И. Хавлюк, А. В. Бодянский и др.), в поречье Среднего Днепра и в смежных областях поречья Южного Буга (Пеньковка и Стецовка на Тясьмине, Волошское в Надпорожье, Семенки и остров Мышковский на Ю. Буге и др.).

Наиболее специфической чертой в культуре этих племен были биконические, реберчатые формы керамики, аналогичные верхнеднепровским и не известные в дру-

гих частях Украины и в западнославянских землях. Они были особенно характерными для наиболее ранней группы среднеднепровских поселений VI—VII вв. На поселениях более поздних — конца VII—VIII—IX вв. такая керамика почти не представлена. Имеются и другие элементы культуры, связывающие среднеднепровских славян VI—VII вв. с Верхним Поднепровьем.

Представляется весьма вероятным, что указанная группа славян в начале третьей четверти I тысячелетия н. э. пришла на Средний Днепр с севера и что, следовательно, эти племена были далекими потомками старого зарубинецкого населения.

6. Обрисованная здесь картина отнюдь не исчерпывает, конечно, проблему образования восточного славянства. В его формировании как в области Верхнего Поднепровья, так и в междуречье Днестра и Среднего Днепра, судя по археологическим данным, участвовали не только потомки зарубинецких племен, но и другие более западные раннеславянские группировки. Но, можно думать, что в процессе складывания восточного славянства роль зарубинецких племен, оказавшихся во второй четверти I тысячелетия н. э. в области Верхнего Поднепровья в изоляции от остальных частей славянского мира, а затем занявших важнейшие области в Среднем Поднепровье, была весьма значительной.

Ю. В. Кухаренко

ПОЛЕСЬЕ И ЕГО МЕСТО В ПРОЦЕССЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН

Припятское Полесье — эта обширная и весьма своеобразная область, находящаяся почти в центре славянского мира, давно уже привлекает внимание исследователей, занимающихся проблемой этногенеза славян. Особенное внимание Полесью уделяли и уделяют лингвисты, которым в решении этногенических проблем по праву принадлежит решающее слово. Однако до сих пор ни у лингвистов, ни у представителей других специальностей, в том числе и у археологов, нет единого мнения о роли Полесья в процессе этногенеза славян. По мне-

нию одних исследователей, Полесье является прародиной славян (Я. Ростафинский, Я. Пейскер, М. Фасмер, Г. Улашин) и даже прародиной индоевропейцев, (Т. Пеше), по мнению других,— оно в древности было непроходимым барьером, разделявшим балтов и славян и тем самым нарушившим их первоначальное единство (Я. Розвадовский, В. Кипарский, отчасти С. Б. Бернштейн и Б. В. Горнунг), третьи полагают, что Полесье следует рассматривать либо как часть славянской прародины, либо как район первой славянской миграции (В. В. Мартынов). В археологической литературе, кроме того, встречаются утверждения о том, что Полесье из-за затопления и сильной заболоченности долгое время — с конца неолита и до первых веков нашей эры — вообще не было заселено и уже в силу этого не может рассматриваться как прародина славян (Т. Сулимирский).

Правильное решение этих и других вопросов, связанных с определением места Полесья в процессе этногенеза славян, по мнению лингвистов, возможно лишь в будущем, после составления ими лингвистического атласа Полесья и сопоставления его с уже имеющимся атласом археологическим (В. В. Мартынов). Однако и в настоящее время, если исходить из имеющихся в нашем распоряжении археогологических материалов, уже можно утверждать следующее:

1. Представление о Полесье, как о каком-то непроходимом в древности барьере, разделявшим славян и балтов и нарушившим тем самым их первоначальное единство, не соответствует действительности. Несмотря на сильную заболоченность, Полесье всегда было довольно густо заселено и обитаемо без каких-либо длительных перерывов, начиная уже с мезолита, а в некоторых районах и с более раннего времени. Причем районы Полесья, занятые различными культурами, а значит и различными этническими элементами, в том числе славянами и балтами, в территориальном отношении непосредственно соприкасались друг с другом. Более того, в неолите вся территория Полесья, как и смежные с ним районы Повисленья, Прибалтики и Верхнего Приднепровья, были заняты одной культурой — гребенчатой керамики. Если так называемое балто-славянское языковое единство действительно имело место, то можно предположить, что

именно эта культура и соответствовала последнему этапу его существования.

2. Начиная с конца неолита, Полесье в культурно-историческом отношении резко делится на две области: западную и восточную. Границей между ними является линия, идущая примерно по Ясельде, Припяти (на участке от устья Ясельды до устья Горыни) и Горыни. Причем западная область Полесья является периферией распространения повисленско-среднеевропейских культур, восточная — периферией культур днепровско-прибалтийских. Поскольку деление Полесья на две различные области не вызывалось физико-географическими особенностями его территории, то его можно объяснить лишь различной этнической принадлежностью обитателей этих областей. Более чем вероятно, что первая из них, т. е. западная, по крайней мере уже с конца эпохи бронзы была заселена славянами, вторая — древними балтийскими племенами. Деление Полесья на две культурно-исторические области исчезает лишь на рубеже I—II тысячелетий нашей эры, после колонизации славянами всей его территории.

3. Сам факт деления Полесья в древности на две культурно-исторические области, в свою очередь являющиеся окраинами более обширных культурно-исторических зон и занятых различными этническими элементами, опровергает мнение о Полесье как о прародине славян. Полесье, во всяком случае его районы к востоку от Ясельды и Горыни, были заселены славянами, пришедшими с запада, уже в сравнительно позднее время. И сопоставление карт распространения различных культур, и сами материалы, собранные археологами в Полесье и в смежных с ним областях, и установленный лингвистами более поздний характер славянской гидронимики Полесья и Приднепровья по сравнению с Повисленьем, совершенно определенно свидетельствуют о том, что прародину славян следует искать где-то западнее Полесья, во всяком случае к западу от упоминавшейся уже линии, идущей по Ясельде — Припяти — Горыни, делившей Полесье в древности на две различных области.

Д. А. Мачинский

О СООТНОШЕНИИ ПШЕВОРСКОЙ И ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУР

(К вопросу о славянах на рубеже н. э.)

1. Многие археологи, историки и лингвисты склонны видеть в носителях пшеворской и зарубинецкой культур племена ранних славян-венедов. Некоторые ученые считают славянской лишь пшеворскую (и близкую к ней оксывскую) культуру, другие — лишь зарубинецкую, однако многие полагают, что обе эти клультуры «родственны» между собой и что обе они принадлежат ранним славянам. Эта последняя мысль получила логическое завершение в гипотезе, согласно которой и пшеворская, и зарубинецкая культуры сложились на базе поморской культуры. Однако детальный анализ материалов не позволяет согласиться с этой гипотезой.

2. В данном сообщении под понятием «зарубинецкая культура» объединяются четыре группы памятников: Западнополесская, Среднеднепровская, Прутско-Днестровская и Верхнеднепровская. Хронологические рамки культуры в целом — со второй половины II в. до н. э. до конца I в. н. э. Прутско-Днепровская группа исчезает на рубеже н. э., а отдельные памятиики в Полесье, на Десне и Днепре доживают и до II в. н. э. Пшеворская культура рассматривается здесь в основном лишь в рамках второй половины II в. до н. э.—I в. н. э. с особым акцентом на позднелатенский период. Под понятием «поздняя поморская культура» здесь объединяются все те памятники IV—II вв. до н. э. в бассейнах среднего Одера, Вислы, Западного Буга, верхней Припяти и верхнего Днестра, которые польские исследователи относят либо к собственно поморской культуре, либо к культуре подклёшовых погребений.

3. Большинство элементов, объединяющих зарубинецкую культуру с пшеворской (бескурганные погребения по обряду сожжения, обилие фибул, сочетание лощеной и «хроповатой» посуды и т. д.) и отличающих ее от других восточноевропейских культур, являются общими для целого ряда центрально- и североевропейских культур и не могут служить основанием для выводов о родственности рассматриваемых культур. Сравнение же зарубин-

нецкой и пшеворской культур с поморской по всем основным элементам (погребальный обряд и инвентарь, детали одежды, форма и орнаментация сосудов, реконструируемый уровень социально-экономического расслоения и т. д.) показывает, что, с одной стороны, существует несомненная преемственность между поморской и зарубинецкой культурами, эволюционное развитие от одной к другой, с другой стороны,— отсутствуют достаточно убедительные доказательства преемственности между поморской и пшеворской культурами, а многие чуждые поморской культуре черты появляются в пшеворской культуре с самого начала в готовом сложившемся виде.

4. Резкие различия между поморской и пшеворской культурами часто пытаются объяснить усилившимся воздействием культуры кельтов. Однако на раннем этапе влияние кельтов на пшеворскую культуру носило поверхностный характер и выражалось в основном в заимствовании оружия и некоторых металлических изделий кельтских типов. Различие же между поморской и пшеворской культурами в ассортименте и количестве сосудов, помещаемых в одно погребение, в формах и орнаментации керамики невозможно отнести за счет влияния кельтов. Кельтское влияние в пшеворской керамике становится заметным лишь с рубежа н. э. В то же время зарубинецкая керамика уже в конце II — начале I в. до н. э. испытывает сильнейшее влияние со стороны кельтской и гетской керамики; тем не менее преемственность в развитии форм и орнаментации сосудов между поморской и зарубинецкой культурами несомненна.

5. Анализ материала показывает, что зарубинецкая культура увязывается не только с поморскими древностями Полесья, как полагал Ю. В. Кухаренко, но и с поморской культурой Повисленья, Побужья, Поднестровья и Силезии. Прекращение существования поморской культуры и единовременное появление зарубинецкой на обширных территориях Восточной Европы хронологически совпадает с исчезновением кельтских поселений и могильников в Средней Силезии (конец II в. до н. э.). На территории поморской и кельтской культур в бассейне Вислы и Одера возникает пшеворская культура, отдельные памятники которой на раннем этапе появляются также на Эльбе и даже в бассейне Рейна, на Майне.

6. Для объяснения всего вышеизложенного, в порядке рабочей гипотезы можно нарисовать следующую картину: в середине или второй половине II в. до н. э. в бассейн Одера, Вислы и Эльбы проникает какое-то новое население, что приводит к гибели кельтского населения Средней Силезии и к отливу большой части «поморского» населения на восток, где его появление отражается в возникновении памятников зарубинецкого типа. Захват кельтского оружия и, возможно, ремесленников придает особую окраску культуре населения бассейна Вислы и Одера (а частично и Эльбы), в состав которого входят, по-видимому, как частично оставшееся «поморское» население, так и население пришлое, которое, вероятно, играло весьма важную роль в создании и развитии пшеворской культуры.

7. Некоторые общие черты пшеворской и зарубинецкой культур — сходные формы низких мисок, «граненый» венчик, среднелатенские фибулы типа В (по Ю. Костшевскому) — могут говорить лишь о кратковременном контакте этих культур где-то в конце II в. до н. э., так как все дальнейшее развитие погребального обряда, форм изделий из металла и керамики в течение I в. до н. э. протекает в обеих культурах совершенно изолированно и в различных ритмах. Лишь начиная с рубежа н. э. в обеих культурах появляются фибулы и миски сходных форм, однако в целом обе культуры становятся еще более различными и самобытными.

8. Резюмируя все вышеизложенное, можно заключить, что, несмотря на отдельные черты сходства, пшеворская и зарубинецкая культуры различны по своему происхождению, по ряду элементов материальной и духовной культуры, по ритмам развития, по уровню социально-экономического расслоения. С течением времени это различие не уменьшается. И трудно предположить, что единообразная славянская культура VI—VII вв. н. э., единство которой убедительно доказано работами И. И. Ляпушкина и других исследователей, могла сложиться на базе этих различных культур. Логичнее искать предков древних славян лишь в носителях одной из этих культур.

Однако, по нашему мнению, все попытки связать генетически славянскую культуру VI—VII вв. н. э. с зарубинецкой, пшеворской или какой-либо другой из изве-

стных культур пока не дали бесспорных положительных результатов. И поэтому нельзя считать исключением, что на обширных и местами еще очень плохо исследованных территориях между Вислой и Днепром может скрываться еще одна, пока не выделенная как самостоятельное целое археологическая культура конца I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э., которая может оказаться славянской.

В. Д. Баран

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУР РИМСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИКАРПАТЬЯ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

1. Сравнительное изучение памятников первой половины I тысячелетия н. э. и более поздних славянских древностей всегда привлекало археологов-славистов, так как это один из путей, ведущих к отысканию истоков славянской культуры. Попытки сравнительного изучения этих групп памятников были сделаны и на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни. Однако выводы об эволюции древностей черняховского типа в древнерусские сейчас, когда на этой территории открыты ранее неизвестные поселения VI—VII вв., требуют пересмотра.

2. Этнокультурный облик изучаемой территории в первой половине I тысячелетия н. э. несколько отличается от восточных и северных районов Украины. К I—II вв. н. э. в Верхнем Поднестровье относятся памятники липицкой культуры, во второй четверти I тысячелетия н. э., кроме памятников черняховского типа, в Прикарпатье имеются памятники культуры карпатских курганов. В последние годы в Поднестровье открыты сарматские могильники, а на Западной Волыни — памятники типа Дитыничи. На всей этой территории на протяжении первой четверти I тысячелетия н. э. появляются носители пшеворской культуры.

3. Большой хронологический разрыв между памятниками липицкой и пшеворской культур, с одной стороны,

и славянскими памятниками VI—VII вв., с другой, исключает возможность их сопоставлений. Но, даже нарушая это важнейшее требование сравнительного изучения памятников, мы не можем найти в славянских древностях VI—VII вв. признаков, указывающих на их типологическую связь с памятниками липицкой или пшеворской культур. Керамический комплекс культуры карпатских курганов, в частности лепная керамика, также не обладают признаками, типологическое продолжение которых можно бы проследить в керамике VI—VII вв. В погребальном обряде населения карпатского подгорья второй четверти I тысячелетия н. э. и славянского населения более позднего времени, известного по раскопкам курганов VIII—IX вв. в Зняцево и Червенево Закарпатской обл., имеются черты сходства. Однако отсутствие в этом районе исследованных славянских могильников VI—VII вв. с лепной керамикой пока не позволяет сделать определенных выводов относительно преемственности погребального обряда от второй четверти до конца I тысячелетия н. э. Нет сомнений, что материалы памятников типа Дитыничи и сарматских могильников по отношению к славянским древностям являются чужими.

4. Таким образом, для сопоставлений со славянскими древностями VI—VII вв. остаются только памятники черняховского типа. Пока нет достаточных данных для определения времени стыка упомянутых групп памятников, но полученные в последнее время материалы дают возможность верхнюю хронологическую границу памятников черняховского типа в верховьях Западного Буга и Днестра определять второй половиной V в. Это позволяет предполагать, что хронологический разрыв между черняховскими и славянскими древностями если и существует, то очень небольшой.

5. Изучение поселений черняховского типа и памятников VI—VII вв. показало, что они в Верхнем Поднестровье и на Западном Буге располагались в одинаковых топографических условиях, часто на одних и тех же местах (например, Рипнев II, Рипнев III, Неслухов, Бовшев), причем в более исследованных районах они открыты приблизительно в одинаковом количестве. Общие черты прослеживаются в жилищном строительстве, хотя в целом тип жилища VI—VII вв. более устойчив и указывает на определенную унификацию приемов домострои-

тельства и значительный прогресс по сравнению с предыдущим периодом. Лепная посуда, составляющая на ряде широко исследованных поселений черняховского типа почти половину всей керамики, по формам, орнаментации, а часто и по составу теста, за небольшими исключениями, не отличается от керамики VI—VII вв.

6. Неотъемлемой частью памятников черняховского типа является гончарная керамика, часто закрывающая собой все другие элементы этой культуры и создающая впечатление их полного отличия от памятников последующего периода. Однако гончарная посуда не может предрешать вопроса о соотношении изучаемых групп памятников, так как ее изготовление связано с провинциально-римскими влияниями.

Так же обстоит дело с большинством орудий труда, оружием, украшениями, которые как во второй, так и в третьей четверти I тысячелетия уже выходят за границы какой-либо одной культуры, распространяясь на большой территории Восточной и Центральной Европы.

7. Все это приводит к заключению, что памятники черняховского типа и памятники VI—VII вв. на территории Юго-Западной Волыни и Верхнего Поднестровья, несмотря на то, что они по своему общему облику несколько различны, что неминуемо, поскольку они существовали в различные исторические эпохи, включают в себя ряд важных общих элементов, указывающих на их типологическую близость, что говорит в пользу их этнической преемственности в данном районе.

В. В. Кропоткин

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

1. Изучение истории варварских племен Европы, Азии и Северной Африки и их взаимоотношений с Римской империей в эпоху кризиса античного мира является одной из актуальных проблем советской исторической науки.

2. Археологические исследования черняховской культуры на территории Украины, Молдавии и Румынской

Народной Республики предоставили ценные материалы для решения указанной проблемы на огромной территории от Нижнего Дуная и Прикарпатья до верховий Северного Донца, от черноморских лиманов до Среднего Поднепровья.

3. Новые археологические исследования позволили уточнить границы распространения черняховской культуры, ее датировку и связи с соседними археологическими культурами (зарубинецкой, пшеворской, липицкой и др.).

4. Изучение многочисленных монетных находок и привозных греко-римских изделий на территории Восточной Европы дали твердые основания для уточнения времени существования черняховской культуры.

5. Черняховская культура возникает в лесостепной и степной полосе Украины и Молдавии не на местной скифо-сарматской и дако-фракийской основе, а в результате широкого передвижения племен из области пшеворской культуры (междуречье Одры и Вислы).

6. Анализ кладов римских монет и импортных вещей позволяет отнести это переселение племен к концу II—началу III в. н. э.

7. Расцвет черняховской культуры на территории Украины и Молдавии относится к III—IV вв. н. э.; в IV в. черняховские племена проникают в области Северного Причерноморья, в Таврику и на Нижний Дунай.

8. Черняховская культура прекращает свое существование в конце IV в. н. э. в результате вторжения гуннов в Восточную Европу. Некоторые черняховские поселения в Румынии доживают до V—VI вв. н. э. (памятники типа Чурел).

9. Генетические связи черняховской культуры с памятниками древних славян (склавинов, антов и венедов) на материалах Молдавии и Украины не прослеживаются, несмотря на многочисленные попытки установить такие связи (Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, М. Ю. Смишко, Е. В. Махно, М. Ю. Брайчевский и др.). Между черняховской культурой и раннеславянскими памятниками VI—VII вв. существуют не только резкие типологические различия, но и значительный хронологический разрыв.

10. Племена черняховской культуры приняли активное участие в борьбе варварских племен Восточной Европы с Римской империей в III—IV вв. н. э. Под натиском причерноморских варваров прекращает свое существова-

ние скифское царство в Крыму, многие города Северного Причерноморья были взяты штурмом и сожжены в середине и второй половине III в. (Танаис, Ольвия, Тира и др.). На развалинах античных городов возникают небольшие полуварварские поселения.

11. Экономические связи Римской империи с племенами Восточной Европы оказали существенное влияние на социально-экономическое развитие варварских племен Молдавии и Украины.

В. В. Аулих

СЛАВЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ VI—VII вв. н. э. У с. ЗИМНО В ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

Западная Волынь — это территория, археологические памятники которой до недавнего времени почти не освещали ранней истории ее славянского населения. Очень слабо изученным оставался, в частности, период третьей четверти I тысячелетия н. э. Этот пробел в значительной степени заполнили исследования последних лет. Итогам изучения одного из памятников этого времени — городища у с. Зимно — посвящено настоящее сообщение.

Исследованный памятник находится на северо-западной окраине с. Зимно Владимир-Волынского р-на Волынской обл. в урочище «Городище». Поселение занимало центральную часть мысовидного останца высокого коренного берега р. Луга (правого притока Западного Буга). Культурный слой памятника содержал материалы различных хронологических периодов, начиная с энеолитического времени. К интересующему нас времени относится верхний горизонт культурного слоя.

В начале третьей четверти I тысячелетия н. э. центральная часть мыса была укреплена. С юго-восточной и северо-западной сторон она была отделена от остальных частей мыса двумя глубокими перекопами, над которыми возвышались в виде коротких валов дерево-земляные укрепления. Юго-западный край плато был укреплен забором, а немного ниже по склону — частоколом. Северо-восточная сторона урочища, обращенная к труд-

непроходимой болотистой пойме реки, имела большую крутизну склона и не нуждалась в дополнительном укреплении.

Вдоль западного края городища обнаружены следы наземных жилых построек, от которых сохранились два ряда ям от крупных вертикальных столбов и несколько открытых очагов между ними. Городище погибло в результате пожара, вспыхнувшего, по всей вероятности, во время нападения неприятеля.

Кроме остатков оборонительных и жилых сооружений, верхний горизонт памятника содержал значительное количество керамики исключительно лепной работы, представленной фрагментами нескольких типов горшков, аналогичных сосудам славянских памятников VI—VII вв., известных под общим названием керамики пражского типа. Найдено также много изделий из железа, бронзы, серебра, стекла, камня и кости.

Для решения вопроса о хронологии городища особенно показательными являются пряжки и украшения, изготовленные из серебра и бронзы. Сравнение их с материалами синхронных памятников Восточной, Южной и Центральной Европы показывает, что большинство из них находит аналогии среди инвентаря хорошо датированных памятников V—VII вв. н. э. Это дает основание датировать городище Зимно временем между началом VI и второй половины VII в. н. э. Такая датировка подтверждается также находкой византийской монеты первой половины VI в. н. э.

Бронзовые и серебряные украшения VI—VII вв., подобные найденным на нашем городище, часто считают импортными (византийскими или аварскими) изделиями. Однако находки на поселении Зимно ювелирных инструментов (литейные формочки, тигельки, наковальня), заготовок браслетов и отходов металла указывают на несомненно местное производство преобладающей части украшений. Инвентарь городища также говорит о сравнительно высоком уровне развития железообрабатывающего и костерезного ремесел у славянского населения Западной Волыни.

Городище в Зимно — единственное до сих пор городище VI—VII вв. н. э., известное на территории не только Западной Волыни, но и на Украине. Характер инвентаря городища вполне аналогичен материалу синхронных

открытых поселений этой территории. На городище заметно преобладают находки металлических изделий. Совершенно отличен характер жилых построек городища — на открытых поселениях обнаружены пока только полуземляночные жилища с печами.

Зимновское городище — явление не случайное и не обособленное. Синхронные городища известны также на территории Белоруссии, Польской Народной Республики и даже среди славянских памятников Германской Демократической Республики. Очень близки также синхронные городища Смоленского Поднепровья и верховьев Западной Двины, которые одни исследователи приписывают славянским, а другие — балтийским племенам.

Исследования Зимновского городища позволяют ставить вопрос о возникновении городищ у славян уже в VI—VII вв. н. э. Эти городища были уже своеобразными ремесленными, а может быть, и племенными центрами.

Л. Д. Поболь

БЕЛОРУССКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

В настоящем сообщении приводятся краткие сведения об археологических материалах I тысячелетия н. э., обнаруженных в южной и юго-восточной Белоруссии. На основании этих материалов делаются соответствующие выводы.

На рубеже нашей эры территория БССР по археологическим данным может быть разделена в основном на две палеоэтнографические зоны: на юге и юго-востоке обитали племена зарубинецкой культуры, а в центральной и северной частях — племена культуры штрихованной керамики и родственной ей днепро-двинской культуры.

Основным типом поселений у племен зарубинецкой культуры в бассейне верхнего Днепра на рубеже нашей эры являлись городища, а в Припятском Полесье — селища. Такое явление может быть объяснено географиче-

скими факторами. Поселения зарубинецкой культуры на территории БССР в настоящее время исчисляются сотнями. Около поселений открыто несколько десятков бескурганных могильников с сожжением. На одном из них, около городища в Чаплине Речицкого р-на Гомельской обл. раскопано 282 погребения. Получен очень богатый вещевой материал: оружие, среднелатенские и позднелатенские фибулы, многочисленные украшения, орудия труда, несколько сот целых сосудов разных форм и типов, много античных стеклянных бус, характерных для Ольвии догетского времени (до 55 г. до н. э.), кельтские и скифские импортные материалы. В хронологическом отношении погребения разделены на три стадии, последняя датируется I—II вв. н. э. Много погребений вскрыто в зарубинецких могильниках возле деревень Семурадцы, Бурази (ур. «Казаргать»), Воронино Житковичского р-на, Велемичи I и II, Отвержичи и др. в Столинском р-не.

Материалы зарубинецкой культуры свидетельствуют о связях этих племен со скифами, кельтами, античным миром, племенами территории Польши и др. В зависимости от местонахождения памятника в БССР в его материальной культуре видно преобладание тех или иных элементов культуры соседних племен и народов.

В Белорусском Поднепровье зарубинецкие племена продолжали обитать и в более поздний период, в том числе и в «черняховское время». Городища были повсеместно оставлены зарубинецким населением, и жизнь продолжалась на селищах. Для первой половины I тысячелетия н. э. были характерны бескурганные могильники с сожжением. Селищ открыто около 150. Они датируются находками римских монет, римскими стеклянными бусами, шпорами, римской краснолаковой керамикой, провинциально-римскими фибулами и фибулами с подвязанной ножкой III—IV вв., вещами с красной эмалью и т. д. Для этих поселений характерна только лепная керамика (груболепная и лощеная). Многие формы глиняной посуды эволюционно связаны с чаплинской керамикой. Дополнительно появляется керамика с прочесами. У населения зарубинецкой культуры были распространены полуземляночные наземные жилища. Основными отраслями хозяйственной деятельности являлись земледелие и скотоводство, были развиты также разнообраз-

ные домашние производства. Наиболее полно изучены поселение и могильник позднезарубинецкой культуры II—V вв. н. э. в урочище Абидня Быховского р-на Могилевской обл. и могильник около Нового Быхова.

Для Белорусского Поднепровья селища и бескурганные могильники с сожжением характерны также для третьей четверти I тысячелетия н. э. Подобные памятники начали изучаться недавно. Выявлено их несколько десятков. Изучались следующие памятники этого времени: бескурганный могильник и селище около Нижней Тощицы Быховского района, селище около Щаткова Бобруйского р-на, поселения в Приречье Березинского р-на, селище около Петрикова (раскопки А. Н. Лявданского), бескурганный могильник около Юрович Калинковичского р-на, селище около Колочина Речицкого р-на (раскопки Э. А. Сымоновича), селище «Замковая гора» Борисовского р-на (раскопки А. Г. Митрофанова), Хотомель (раскопки Ю. В. Кухаренко) и др. В некоторых местах для этого времени уже были характерны курганные могильники с сожжением — Семурадцы Житковичского р-на, Демьянки Добрушского р-на (Г. Ф. Соловьева), Добужа Быховского района (И. А. Сербов). По своему характеру материалы из упомянутых памятников близки к древностям пражского типа. Материальная культура этих памятников, полуземляночные и наземные жилища, печи-каменки, погребальный обряд, характер украшений, орудия труда — все это хорошо генетически увязывается с позднезарубинецкими памятниками.

На основании изучения материалов из Хотомеля (Полесье) Ю. В. Кухаренко доказана непрерывность развития материальной культуры на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. и показана связь этих материалов со славянами.

На юго-востоке области, занятой культурой штрихованной керамики, выявлены позднезарубинецкие селища, а в более северных районах БССР — поселения с материалами, близкими к пражскому типу. На основании этих данных можно предполагать, что начало продвижения и освоение славянами земель в центральной Белоруссии происходило из южной ее части в первой половине I тысячелетия и продолжалось в более северных районах республики во второй половине I тысячелетия нашей эры.

А. Т. Смиленко

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПАМЯТНИКОВ ПОДНЕПРОВЬЯ ТИПА ПЕРЕЩЕПИНСКОГО

1. Одной из интереснейших групп памятников Поднепровья эпохи раннего средневековья являются «клады» типа Перещепинского — богатейшие на Украине. В настоящее время в Поднепровье известно шесть подобных, типологически близких находок: у с. Макуховка 1882 г., Малая Перещепина 1912 г., Келегеи 1927 г., Зачепиловка (близ г. Новые Сенжары) 1928 г., Вознесенка (бывш. Нескребовка) 1930 г., Глодосы 1961 г. Четыре из этих «кладов» найдены на границе лесостепи и степи, два — в степи (Вознесенка, Келегеи).

Характерной особенностью данной группы памятников является обилие в их инвентаре изделий из драгоценных металлов. В составе инвентаря были предметы личного убора и украшения, оружие, конское снаряжение, предметы быта и другие находки. В числе вещей много привозных изделий, главным образом византийских и сасанидских. Большинство вещей датируется VI—VII вв. н. э. Кроме того, четыре находки содержали золотые византийские монеты периода чеканки 582—668 гг. н. э. Наиболее поздние монеты и вещи указывают на зарытие «кладов» в конце VII в. н. э. или в самом начале VIII в. н. э.

2. В литературе не существует единой точки зрения на памятники этой группы. Часть авторов считает их кладами, другая часть — погребениями. Предположение о том, что памятники эти являются погребениями, было основано на составе находок, куда, кроме оружия и конского снаряжения, входили и некоторые специфические предметы. В Перещепине это были мелкие черепки, кусочки дерева и ткани, в Келегеях — зубы коня, кусочки меха, кожи, дерева, обломки керамики. В Зачепиловке, памятнике, оставшемся неопубликованным, рядом с вещами, на той же глубине, находились покрытые окисью истлевшие кости коня. В Вознесенске вещи, частью оплавленные, вместе с пережженными костями, обломками сосудов, золой, угольками и кусочками печины были сложены в яму и проткнуты тремя саблями. Наиболее достоверные данные, позволяющие определить данную

группу находок как погребения, были получены в новом памятнике этого типа, открытом в 1961 г. у с. Глодосы. Здесь драгоценности, также со следами пребывания в огне, вместе с оружием и конским снаряжением, были сложены в яму поверх двух кучек пережженых костей. Найденные мелкие обломки костей были исследованы двумя методами — сравнительно-анатомическим и гистологическим, в результате чего установлено наличие среди них костей человека.

Таким образом, в последние годы были получены новые данные, дающие основание рассматривать по крайней мере часть памятников этой группы как погребения. В Вознесенке и Глодосах сохранились явные следы сожжения, совершенного в стороне от места погребения. В других случаях установить обряд погребения не было достаточных оснований.

3. Многочисленные драгоценности, включающие инсигнии знати и дорогое оружие, свидетельствуют о том, что погребения данной группы принадлежали знатным военным вождям, а менее богатые из них — дружинникам. Памятники эти ярко отражают сложение классового феодального общества и формирование дружины как социальной прослойки у племен Среднего и Нижнего Поднепровья.

Все шесть памятников данной группы были открыты вне связи с древними поселениями или могильниками. Две из находок — Вознесенская и Глодосская — кладут начало изучению очень интересной группы памятников Поднепровья, до сих пор почти неисследованных, отражающих социальную и территориальную обособленность дружины. В Вознесенке остатки сожжения были погребены на территории военного лагеря, окруженного валом. Близкая ситуация оказалась и на месте находки глодосского погребения. Вблизи него сохранились незначительные остатки двух параллельных рвов, которые вместе с боковыми оврагами ограждали участок берега реки, по-видимому, место стоянки отряда. Погребения вождей на месте расположения отрядов, а не на общих могильниках, возможно, отражают один из дружинных обычаев бурной эпохи раннего средневековья.

4. Об этнической принадлежности памятников данной группы в литературе высказывались различные мнения — их относили и к кочевникам, в частности аварам

или болгарам, и к славянам. Вещевой состав памятников, содержащий много привозных изделий, украшений знати и предметов дружинного убора, очень близких у различных народов, затрудняет определение их этнической принадлежности.

В настоящее время большинство исследователей связывает погребения по обряду сожжения VII—VIII вв. н. э. на юго-Востоке Европы со славянскими племенами. Если исходить из этой, распространенной сейчас точки зрения, то можно ставить вопрос о связи двух памятников (Вознесенка, Глодосы) со славянами. Трактовка этнической принадлежности остальных памятников остается спорной.

Военные события конца VII—начала VIII в. н. э., наиболее ярко отразившиеся в Вознесенском памятнике, скорее всего следует связывать с борьбой племен Поднепровья с Хазарским каганатом, стремившимся распространить свою власть в Северном Причерноморье.

А. И. Тереножкин

КУЛЬТУРА ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СКИФИИ

1. Территория лесостепи между Днестром и Днепром в эпоху поздней бронзы была занята оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами белогрудовской, а вслед за ней чернолесской культуры (XI—середина VII в. до н. э.).

2. Белогрудовская и чернолесская культуры преемственно связаны между собой и в определенной степени представляют самостоятельный путь развития и истории племен, обитавших на территории днепровского лесостепного правобережья. В племенах культур времени перехода от бронзы к железу, эпохи раннего гальштата, ошибочно видели фракийцев или киммерийцев. Взгляды эти не подтверждаются археологическими данными.

3. Население лесостепи между Днестром и Днепром в ту эпоху было одинаково независимо в культурном отношении как от гальштата Карпато-Дунайского бассейна, носителей которого принято считать древними фра-

кийцами, так и от срубной культуры степей Северного Причерноморья, с позднейшими (VIII—VII вв. до н. э.) проявлениями которой связываются «исторические» киммерийцы.

4. Вторжение в Северное Причерноморье скифов-кочевников из Азии в VII в. до н. э. повлекло за собой значительные изменения в этническом составе населения юга Восточной Европы (уход киммерийцев из Припонтийских степей и ассимиляция их остатков ираноязычными скифами). С этого времени вплоть до III в. до н. э. территория лесостепи между Днестром и Днепром попадает под власть кочевых скифов.

5. В эпоху скифского господства в лесостепи к западу от Днепра стойко удерживается местное земледельческо-скотоводческое население, ведущее свое происхождение от племен чернолесской культуры. По Геродоту, это были «скифы-пахари», которые являются скифами только по названию, а не по действительной этнической принадлежности, так как их генезис не связан с собственно скифскими ираноязычными пришельцами с востока.

6. В настоящее время в лесостепи к западу от Днепра можно выделить следующие родственные между собой локальные культурные группы скифского периода: киево-черкасскую, восточноподольскую, западноподольскую и волынскую. С наибольшей силой воздействие скифской культуры отразилось на них на юге лесостепи и слабее всего в зонах, прилегающих к Припятскому Полесью. Мысль об ассимиляции ираноязычными скифами населения данной части территории Среднего Поднепровья (северо-западной Скифии) не находит подтверждения в археологических материалах. Вместе с тем не находит подтверждения и мысль о лужицкой экспансии из бассейнов Одера и Вислы на восток вплоть до Днепра. На территории Среднего Поднепровья, в том числе и на Волыни, восточнее р. Горыни, неизвестно какой-либо культурной группы предскифского или скифского времени, в возникновении которой решающая роль принадлежала лужицкой или высоцкой культурам.

7. Археологические источники не подтверждают также гипотезу о фракийской этнической и культурной экспании из Приднестровья в области Среднего Поднепровья.

8. Данные археологии, вопреки этим гипотезам, позволяют говорить о том, что племена междуречья Днестра и Днепра как в предскифское, так и в скифское время, проявляли свою наибольшую активность именно на западе, что отчетливо обнаруживается в восточных (черно-лесских и скифских) элементах во фракийском гальштате в Молдавии и восточной Румынии, в Трансильвании («скифы» Семиградья румынских археологов), в Закарпатье (кушгановицкая культура), а также в виде «скифских» культурных влияний в областях к северу от Карпат вплоть до бассейна р. Вислы (высоцкая культура, тарнобжегская группа лужицкой культуры и др.).

9. Северными соседями лесостепных племен северо-западной части Скифии являлось население Верхнего Поднепровья, известное нам по памятникам подгорцевско-милоградской культуры, которую ныне удачно отождествляют с неврами Геродота. В соответствии с данными гидронимии Верхнего Поднепровья в населении милоградской культуры, по-видимому, с наибольшим правом можно видеть одну из групп древних балтийцев.

10. Таким образом, племена, населявшие в скифское время территорию лесостепи между Днестром и Днепром, очевиднее всего, находились на севере в контакте с балтами, на западе в Поднестровье — с фракийцами, а на юге — с ираноязычными кочевыми скифами. Такое положение лесостепных племен позволяет видеть в них древних славян, ближайшими соседями которых до рубежа нашей эры языковеды называют именно фракийцев, балтов и иранцев. Еще одно подтверждение праславянства этого населения принято видеть и в том, что древняя славянская зарубинецкая культура имеет местное, среднеднепровское происхождение.

В. А. Ильинская

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

1. Поздний бронзовый век в украинской лесостепи к востоку от Днепра известен нам по памятникам бондарихинской культуры (XI — начало VII в. до н. э.).

2. В скифское время на этой территории обитали оседлые земледельческо-скотоводческие племена — носители скифской лесостепной культуры, не имевшей генетических связей с бондарихинской культурой предшествующего периода.

3. Культура скифского типа левобережной лесостепи разделяется на две основные группы: Ворсклинскую, занимающую среднее течение р. Ворсклы, и Посульско-Донецкую, распространенную в бассейнах рек Сейма, Сулы, Псла, Северского Донца.

4. Ворсклинская локальная группа является обособленной в левобережье. Генетически она связана с культурой скифов-пахарей, населявших территорию украинской лесостепи между Днепром и Днестром.

5. Последняя формируется на основе чернолесской культуры, появление памятников которой в бассейне р. Ворсклы относится к концу VIII—началу VII в. до н. э. и было обусловлено миграцией части чернолесского населения из Днепровского Правобережья.

6. Особую историко-археологическую проблему составляет вопрос происхождения племен посульско-донецкого варианта скифской культуры.

7. Гипотеза, согласно которой эта культура формируется в результате расселения на восток правобережных лесостепных племен (И. И. Ляпушкин), не подтверждается данными археологии.

8. Выясняется, что скифская культура появляется здесь в VI в. до н. э. (не позднее его середины) в сложившихся формах, свойственных типичной культуре развитой скифской архаики, и имеет свой особый, отличающийся от Правобережья и Ворсклы, керамический комплекс.

9. Культура этого населения очевиднее всего ведет свое происхождение с юга от культуры конца VII—начала VI в. до н. э. собственно скифских ираноязычных племен. В населении основной территории левобережной лесостепи с наибольшей уверенностью можно видеть скифские племена, которые, в отличие от степных, были не кочевниками, а оседлыми земледельцами и скотоводами.

10. Распространение иранцев в скифское время в лесостепи к востоку от Днепра подтверждается данными языкознания, свидетельствующими, что северной грани-

цей иранской гидронимии на этой территории являлся бассейн Сейма и что здесь находилась зона контакта ареала иранской гидронимии с областью балтийской гидронимии Верхнего Поднепровья (В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев). Северная граница иранского языкового элемента в этом случае полностью совпадает с северными пределами скифской культуры в днепровском левобережье.

11. Возможность непосредственного контакта ираноязычных и балтоязычных групп населения на северных границах левобережной лесостепи может относиться только к скифскому времени.

12. В ходе эволюции, со второй половины V в. до н. э., стираются культурные различия между памятниками бассейна Ворсклы и соседних территорий левобережья. Очевидно, это связано с ассимиляцией населения Ворсклинской племенной группировки в среде посульско-донецких племен.

13. В конце V в. до н. э. вдоль левого берега Днепра, по террасовой днепровской равнине, на север вплоть до устья р. Десны, проникают кочевые скифы, курганы которых недавно обнаружены на широте Киева к востоку от Днепра.

14. Господство скифского (иранского) этнического элемента в левобережье позволяет предполагать, что Днепр следует считать восточным рубежом возможного расселения древних славян в раннем железном веке.

15. Появление славян на территории к востоку от Днепра связано с распространением зарубинецкой культуры в первых веках до н. э.

И. К. Свешников

К ВОПРОСУ О ПЛЕМЕННОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАРПАТЬЯ И ВОЛЫНИ В КОНЦЕ II И НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО н. э.

Памятники бронзового и начала железного века Прикарпатья и Волыни относятся к нескольким культурам, являющимся археологическим выражением отдельных групп племен. Выяснение сложной картины заселения

Прикарпатья и Волыни в конце II и начале I тысячелетия до н. э. племенами с разной материальной культурой, принадлежавшими, возможно, к разным этническим группам, уточнение их хронологии, взаимоотношений, генетических и других связей должно значительно облегчить последующее освещение вопроса о времени заселения этой территории носителями славянского этноса.

Основной культурой среднего периода бронзового века, распространенной от западных районов украинского Прикарпатья до Среднего Днепра и от Карпат до Припяти, является комаровская культура, образующая на этой территории несколько локальных групп. В комаровской культуре прослеживается ее генетическая связь с культурой шнуровой керамики, а также связи ее носителей с племенами культур Виттенберг и Монтеору. Комаровская культура синхронна и родственна близкой ей по происхождению тшинецкой культуре, отличающейся от комаровской только отсутствием южных элементов. Комаровская и тшинецкая культура в среднем периоде бронзового века являются отражением сплошного массива родственных племен, заселявших территорию от Одера до Днепра, видимо, отвечавших крупной этнической общности. Таким образом, вопрос об этнической принадлежности племен комаровской культуры не может решаться в отрыве от тшинецкой культуры, племена которой, по мнению ряда исследователей, являлись одной из основ носителей славянского этноса.

Комаровскую культуру в Западной Подолии сменяет генетически с ней не связанная культура Ноа, племена которой приблизительно в XIII в. до н. э., продвинувшись с юга (из-за Карпат или междуречья Прута и Днестра), заняли Среднее Поднестровье, ассимилировав или оттеснив из этого района прежнее население; их влияние прослеживается также на Волыни. Генетические связи культуры Ноа с культурами Карпато-Дунайского района (Виттенберг, Монтеору, Костиша) и отличный от комаровской облик этой культуры заставляют интерпретировать распространение в Западной Подолии культуры Ноа как явление, связанное с заселением этой территории племенами иной (по мнению ряда исследователей — фракийской) группы племен.

В X — первой половине VII в. до н. э. Прикарпатье и Западная Подолия были заселены племенами голиград-

ской группы — локального варианта культуры фракийского гальштата, также связанной своим происхождением с культурами Карпато-Дунайского р-на. Отсутствие прямых генетических связей этой культуры с культурой Ноа заставляет рассматривать появление памятников голиградского типа в Поднестровье как доказательство нового продвижения племен с юга. Происхождение и облик этой культуры позволяют причислить и ее носителей к одной из племенных групп Карпато-Дунайского р-на.

В результате двух этапов продвижения племен с юга в Поднепровье создался массив южного (возможно, фракийского, происхождения), расчленивший территорию комаровской культуры и отделивший ее от района расселения племен тшинецкой и более поздней лужицкой культур. К западу от этой территории комаровская культура продолжала существовать до начала железного века, о чем свидетельствуют некоторые погребения в районе Дрогобыча. В правобережном Средием Поднепровье в эпоху поздней бронзы сформировалась белогрудовская культура, одним из основных компонентов которой была комаровская культура.

В верховьях Западного Буга и Стыри в VIII—V вв. до н. э. существовала высоцкая культура, связанная своим происхождением в значительной степени с лужицкой культурой, но отразившая также связи с племенами фракийского гальштата. Эта культура, очевидно, не имела существенного влияния на последующее развитие культур Прикарпатья и Волыни. В археологической литературе распространено мнение о принадлежности высоцкой культуры одной из племенных групп, составлявших восточную ветвь раннего славянства.

Синхронная высоцкой культура населения Западной Подолии VII—V вв. до н. э. характеризуется отсутствием доминирующих на этой территории в конце бронзового века южных элементов и появлением признаков, характерных для культуры лесостепной полосы правобережного Поднепровья, что позволяет предположить некоторое продвижение части племен Поднепровья на запад. В этом процессе племена культуры фракийского гальштата были, возможно, отнесены к югу или растворились в массе продвинувшихся с востока племен другой этнической группы, в которой многие исследователи видят предков славян.

Таким образом, XIII—VII вв. до н. э. на территории Прикарпатья и Западной Подолии были периодом преобладания культуры племен южного (предположительно, фракийского) происхождения. Отсутствие доказательств продвижения этих племен на Волынь дает основание для предположения, что культура этого района в указанном периоде продолжала развиваться на местной основе.

С. С. Березанская

КУЛЬТУРА ТШИНЕЦКО-КОМАРОВСКОГО ТИПА В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ УКРАИНЫ

1. Данные сравнительного языкознания, топонимики и археологии приводят большинство исследователей к выводу о том, что древнейшие славянские племена обитали между Одером и Днепром. В связи с этим археологические памятники указанной территории приобретают особый интерес и значение. Однако если в изучении тшинецкой культуры, выявленной в восточных районах Польши, достигнуты уже значительные результаты, то памятники северной Украины, соответствующие по времени тшинецкой культуре, исследованы значительно слабее и в литературе почти не известны.

2. В последнее десятилетие в Припятском бассейне, в Среднем Поднепровье, на Десне и Сейме провели работу ряд экспедиций институтов археологии СССР и Украины. В результате изучения полученных материалов, а также материалов из прежних раскопок, в частности проведенных на Волыни польскими исследователями, появилась возможность дать первую, еще очень схематическую характеристику культуры северной Украины в средний период бронзового века.

3. На рассматриваемой территории обнаружено около 200 поселений. Большинство из них сильно разрушено. В ряде пунктов проведены раскопки. Поселения всегда расположены в пойме рек, на останцах коренного берега или дюнных возвышенностях. Они невелики по размерам. На одном из поселений (Пустынка Черниговской обл.) установлена планировка; жилища расположены вдоль берега в два ряда.

По-видимому, основным типом жилищ были неглубокие землянки. Стены сооружались из бревен или плетней и обмазывались глиной. Встречены купольные и открытые очаги. Отмечено употребление глиняных обожженных вальков, применявшихся для устройства пола, очагов, возможно, стен.

4. Установлено распространение двух типов погребального обряда: трупоположения и трупосожжения. Погребения совершались под небольшими насыпями на уровне древнего горизонта или в неглубоких грунтовых ямах. Скелеты в скорченном положении лежат на боку. Преобладает восточная и западная ориентация. Часты парные и коллективные захоронения.

5. Наиболее отличительным признаком рассматриваемых памятников является керамика. Для нее характерны: а) примесь в глине дресвы, б) паутинчатая потрескканность поверхности, в) ангобирование более светлой глиной, г) утолщенный венчик, д) орнаментация прочерченными линиями. Особенно распространены сосуды тюльпановидной формы.

6. Среди бронзовых изделий характерны украшения (двуспиральные фибулы, браслеты со спиральными концами, булавки). Металлические орудия труда и оружие почти не известны. Широкое распространение имели кремневые серпы, наконечники стрел, копий и каменные сверленые топоры.

7. Относительная датировка памятников определяется на основании стратиграфических данных, позволяющих помещать их позже стрижевского варианта шнуровой керамики и раньше белогрудовской культуры, т. е. между 2000 и 1200 г. до н. э. Более точный возраст устанавливается на основании датировки металлических украшений и синхронизации с соседними культурами.

8. Можно говорить о местном происхождении рассматриваемой культуры. Ее генетическое родство с культурами предшествующего времени подтверждают: а) некоторые традиции домостроительства, б) обряд трупосожжения, в) керамические формы и орнаментация.

9. Основным занятием племен, оставивших памятники средней поры бронзового века, являлось, по-видимому, скотоводство. Земледелие играло значительно меньшую роль и получило здесь развитие лишь в самом конце бронзового века.

10. Физико-географическая среда рассматриваемых памятников, топография поселений, тип хозяйства, погребальный обряд, керамика и другой инвентарь находят прямые аналогии в тшинецкой культуре Польши. Это дает основание относить их к одной культуре или считать одним из вариантов тшинецкой культуры.

11. Таким образом, в среднем периоде бронзового века обширная территория, включающая почти всю северную Украину и восточную Польшу, представляла собой единую этнокультурную область. На территории Украины в эту область входили, по-видимому, еще две культуры: комаровская, расположенная в основном на Среднем Днестре, и сосницкая, локализованная в междуречье Днепра и Десны.

12. Близость сосницкой культуры к тшинецкой проявляется в топографии поселений, характере жилищ, сочетании двух погребальных обрядов, керамике. Ее своеобразие состоит в более разнообразной орнаментации керамики, отсутствии мисок, распространении кварцитовых орудий.

13. Можно предположить, что комаровская культура оставлена группой тшинецких племен, которые на раннем этапе своей истории откололись от основного массива и осели в Среднем Поднестровье.

Влиянием местных днестровских, а также соседних культур типа Монтеору и Ноа следует объяснять появление в комаровской культуре: а) большого количества бронзовых изделий, б) чернолощеной посуды, чаш, кубков, двуухих ваз, каннелированной орнаментации, в) применение камня в погребальном обряде и наличие других черт, чуждых тшинецкой культуре.

Б. А. Рыбаков

ЛЮБЕЧ И ВИТИЧЕВ — ВОРОТА «ВНУТРЕННЕЙ РУСИ»

1. Для археологического изучения Киевской Руси очень важно изучение городищ, история которых освещена письменными источниками.

Большой интерес представляет изучение русских городов, упомянутых Константином Порфирогенетом в середине X в. В 1957—1962 гг. исследовались два таких города, являвшихся как бы северными и южными воротами «Внутренней Руси»,— Любеч на север от Киева и Витичев — на юг.

История обоих городов хорошо освещена и русскими летописями, начиная с 882 г.

2. Комплекс городищ Витичева расположен в 40 км от Киева вниз по Днепру на месте стратегически важного брода. Северное городище содержит слои X в., а южное — только конца XI в. и XII — XIII вв. Первое надо ставить в связь с крепостью на Днепре, упомянутой Константином, а второе — с постройкой Святополком Изяславичем новой крепости на Витичевом Холме («Новгород Святополчь») в 1095 г. для защиты от половцев. До этого города дошли в 1223 г. войска Чингис-хана.

Северная крепость расположена на высоком правом берегу Днепра и опоясана дубовыми стенами с трехъярусной башней ворот и своеобразными складскими помещениями вдоль стен. Внутри общей ограды существует еще два укрепления: одно из них, наиболее удаленное от реки, предназначалось, очевидно, для укрытия окрестного населения, так как там почти не было построек, а находились только ямы от костров с грубой керамикой X в.

Вторым укреплением являлся детинец над рекой.

3. Детинец наиболее исследован. Его укрепления состояли из дубовых срубов, то забитых полностью материковой землей, то пустых с культурным слоем на полу; последнее предназначалось для воинов. Городни чередовались так: две с землей — одна пустая — две с землей — одна пустая и т. д.

Внутри городища располагались жилища и навесы для воинов с очень скромным инвентарем X в. Стратиграфически выделяются два слоя: нижний относится к первой половине X в. и связан с городом эпохи Константина, а верхний — датируется концом X — началом XI в. и может быть сопоставлен с оборонительными линиями Владимира Святого.

4. Большой интерес представляют два сооружения детинца: одно из них находилось в угловой башне детинца над кручей Днепра. Башня имела мощные потолочные засыпки и незначительное внутреннее помещение с очаж-

ком, изолированное от внешнего мира двойными стенами с засыпкой. Под каморкой башни обнаружен «слух» — вырезанная в материке яйцевидная пустота 152×197 см. При князе Владимире было известно применение подкопов под крепости (Херсонес). Подобный угловой «слух» был предназначен для уловления звуков подкопа.

5. Вторым примечательным сооружением явилась сигнальная башня.

В северной части детинца обнаружена круглая подсыпка высотою до 3 м и диаметром 50 м. На всей этой площадке нет сооружений, кроме башни в центре. Внутри башни — печь и следы столбов, подпиравших потолок. Плоская кровля башни была засыпана метровым (!) слоем земли, прокаленным в верхней части. Сверху лежал очень толстый слой золы от соломы и тонких прутьев.

На верху этой небольшой одноэтажной башенки разводился огромный костер 4×4 м.

Назначение костра, приподнятого над стенами крепости, становится ясным при учете его видимости — круглая площадка была единственным местом во всем Витичеве, откуда одновременно был виден Киев и Зарубинский брод в противоположном направлении.

6. Сигнальный огонь у ряда народов носил название, содержащее корень «вит» (сербо-хорватское vitiljača, польское — wica, древненорвежское viti). Возможно, что само название города Витичева связано с его сигнальной функцией.

В этой связи большой интерес представляет знаменитый Алстадский камень (Норвегия) с рунической надписью XI в.:

> Энгле воздвиг этот камень в память Туралде, своего сына, который нашел смерть в Витахолме между Устахолме и Гарда
>
> (Перевод Б. А. Клейбера. Осло)

По свидетельству Б. А. Клейбера, «Витахолм» может означать единственно только холм с огневой сигнализацией на нем. Гарда — Киев; Устахолм — Устье у Зарубинского брода. Именно таково расположение Витичева — между Киевом и Устьем.

7. Если Витичев был наиболее южной русской крепостью в эпоху императора Константина, когда печенеги находились «на один день пути от Руси», то северным

оплотом Киева являлся Любеч, стоявший на границе земель Полян, Радимичей и Дреговичей. В 882 г. Любеч был взят Олегом. В 1016 г. здесь произошла битва Ярослава Мудрого со Святополком, а в 1097 г. здесь заседал знаменитый Любечский съезд князей.

Городок IX—X вв. занимал одну из возвышенностей левого берега Днепра. Археологически проследить его трудно, так как все его пространство было сильно застроено и перекопано сначала в XI—XII вв., а потом в XVII—XVIII вв.

Во второй половине XI в. древний городок попадает в систему мощных укреплений, построенных, очевидно, Владимиром Мономахом в бытность его черниговским князем (1078—1094). В кольце дубовых стен оказались два посада и замок, имевший свою систему обороны. В 1957—1960 гг. замок был раскопан полностью.

8. Стратиграфия замка: нижний амфорный слой содержит керамику бронзового века и зарубинецкую; несколько сооружений относится к роменской культуре IX—X вв. и несколько (в том числе стекловаренная печь) к первым двум третям XI в. (?). Основной слой замка — последняя треть XI в.— 1147 г., когда Любеч был сожжен врагами. Затем следует незначительный слой XII—XIV вв. Верхним слоем с большим количеством сооружений является слой XVI—XVII вв. К концу XIX — началу XX в. относятся два сооружения и котлован раскопок 1910 г. Край городища сильно попорчен военными траншеями 1941—1943 гг.

9. Особенностью Любечского городища («Замка») является хорошая сохранность потолочных засыпок каждого этажа; этому способствовало, во-первых, наличие глубоких подземелий в каждом доме, во-вторых, планомерное сожжение всего замка в 1147 г. и, в-третьих, незначительность построек после пожара 1147 г., когда в Любече жили только «псари да половцы». Потолочные засыпки состоят из чередования слоев дерева (бревенчатый накат), земли над деревом и на самом верху — глины, являвшейся полом следующего этажа. Удалось проследить до 4 потолочных засыпок, т. е. установить наличие в замке четырехэтажных зданий (дворцовые башни, башня-донжон, деревянная церковь). Декоративностью отделки выделяются полы вторых этажей во всех этих зданиях.

10. Укрепления города состояли из массивного глиняного вала, насыпавшегося в три приема (три сезона?): поверх глиняной основы были поставлены поперек дубовые городни. Обнаружена квадратная башня-вежа 6×6 м с двойными стенами. Установлено наличие трапециевидных шаблонов из легких жердей, которые ставились на месте будущего вала через 10 саженей для определения точного профиля глиняной подушки вала. Укрепления замка одновременны стенам всего города. Они состояли из городен и примыкающих к ним изнутри вплотную жилых срубов с плоскими, покрытыми глиной крышами. Въезд в замок начинался с подъемного моста, поднимаемого «журавцем» и воротом, помещенным в башне, хорошо укрепленной в грунте. Ворота представляли собой двойную башню с узким проемом глубиной в 6 м с тремя заслонами. Около ворот обнаружен ход на стены и нечто вроде караульного помещения. На одной из площадок замка найдены остатки пологого схода на столбах, ведшего прямо на стену (на крышу жилищ у стен). В трех пунктах замка обнаружены потерны, «дыры градные».

11. Главным сооружением замка являлся дворцовый комплекс длиною около 40 м, шириною 9—13 м. Прямоугольник дворца, входивший в линию южной стороны, был разделен поперек на три секции. Средняя секция (9×12 м) покоилась на большом количестве срубов первого этажа и представляла на втором этаже, очевидно, главный зал, украшенный оленьими рогами и поливными керамическими дисками. Главное крыльцо примыкало к западной секции, заднее — к восточной. Средняя часть дворца была трехэтажной. Дворец имел три или четыре небольших башни. Северная сторона дворца, обращенная во двор, возможно, имела сени.

12. Неподалеку от дворца находилась башнеобразная деревянная церковь, крытая шатром с небольшой главой, обитой свинцовыми пластинами. За церковной апсидой начиналось небольшое кладбище. На запад от церкви был расположен участок хозяйственных клетей, кладовых, «медовуш», насчитывавший около десятка отдельных преимущественно одноэтажных построек.

Обнаружено большое количество житных ям и ям для воды, которые могли обеспечить на случай осады гарнизон замка (250—300 человек) на один год. Хозяйственный район был отделен тыном.

13. Особый интерес представляет просторная и мощная четырехэтажная башня с двойными стенами, поставленная между воротами, дворцом, крепостной стеной и тыном хозяйственного участка. В военное время башня могла быть донжоном. Судя по ее местоположению, башня относилась к управлению замком — ее четыре двери вели к четырем важнейшим разделам замка: к воротам и стене, к кладовым с «готовизной» и к княжескому дворцу.

Второй этаж башни-донжона имел красивый глиняный пол из белой и красной глины, как во дворце, и тоже был украшен рогами и керамическими дисками.

В глубоком подземелье башни найден клад золотых и серебряных вещей (широкие браслеты, бусы, бляшки с перегородчатой эмалью, перстни и др.) богатого боярского круга. Хозяином башни был по всей вероятности «огнищанин», «дворский» — боярин-комендант замка, управлявший из нее всеми функциями княжьего двора.

14. Сочетание археологических и исторических данных позволяет считать строителем города и замка XI в. черниговского князя Владимира Мономаха (1078—1094 гг.). Во времена знаменитого Любечского съезда в 1097 г. Любеч принадлежал уже Олегу Святославичу, при племянниках которого — Владимире и Изяславе Давыдовичах он был сожжен смоленским князем.

Любечский комплекс впервые в истории русской и славянской археологии позволил нам представить себе облик богатого феодального замка XI в. с его планировкой и размещением военных и хозяйственных объектов. Определилось и соотношение обширного ремесленного посада и резко обособленного от него княжьего двора. Мы знаем теперь сложную и глубоко продуманную систему организации замка с его дворцом, теремами и идущими вдоль стен жилищами челяди, «истобкой» огнищанина-дворского, «узилищем», церковью, заборолами и боевыми башнями, складами «готовизны», «медушами» и «бретьяницами», смотровыми вежами, «дырами градными», потайными спусками, воротами с заслонами и «взводным мостом с жеравцем».

М. К. Каргер

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД ИЗЯСЛАВЛЬ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1957—1964 гг.

1. Большое, огражденное тремя линиями мощных валов и глубоких рвов городище, расположенное у восточной окраины с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. УССР, впервые было зарегистрировано на археологических картах Волыни в 80—90-х годах XIX в. Раскопки на городище до 1957 г. не проводились. Случайные находки разнообразных древних предметов, кусков обгорелых бревен и многочисленных человеческих костей свидетельствовали о том, что поселение погибло в результате кровавого разгрома, сопровождаемого пожаром.

2. Раскопками Галицко-Волынской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и ЛГУ, проведенными в 1957—1964 гг., была раскрыта вся территория городища в границах земляного вала посада (свыше 36 000 м^2). Раскопками открыты остатки сгоревших наземных глинобитных жилищ и хозяйственных построек, под развалинами которых сохранились многочисленные и разнообразные памятники материальной культуры. Особенно много находок обнаружено под развалинами сгоревших деревянных клетей, устроенных внутри земляных валов, ограждавших как детинец, так и городской посад.

3. На городище найдено множество орудий сельскохозяйственного производства: железные части плугов (лемеха и чересла), серпы, косы, лопаты, жернова и пр. В хозяйственных постройках обнаружены большие запасы обгоревшей ржи, пшеницы, овса, ячменя, проса, гороха и других сельскохозяйственных культур.

4. Значительное количество разнообразных орудий производства свидетельствует о развитии различных видов ремесленного производства.

5. Среди огромного количества разнообразных бытовых предметов следует отметить множество различных глиняных сосудов, многочисленные железные предметы — ножи, замки, ключи, дужки и обручи от деревянных ведер, кресала.

6. Большой интерес представляют разнообразные женские украшения, значительная часть которых отно-

сится к составу народного убора (височные кольца, пластинчатые и проволочные браслеты и перстни); лишь немногие серебряные с чернью ювелирные изделия принадлежат уборам феодальной знати, известным по древнерусским кладам.

На городище найдено несколько десятков кладов, состоящих из серебряных ювелирных изделий, зарытых в момент опасности. В одном из кладов сохранились три свинцовых печати.

7. Бронзовые кресты — энколпионы, иконки, змеевики и обломки бронзовых хоросов, найденные на городище, изготовлены в киевских и вышгородских мастерских.

8. Среди находок на городище — несколько вещей иноземного происхождения: романское бронзовое блюдо с аллегорическими изображениями, серебряный реликвий с латинскими надписями, византийская и херсонесская монеты.

9. По всей территории городища и особенно возле оборонительных сооружений и в клетях найдено множество железных наконечников стрел, копья, боевые топоры, бронзовые и железные булавы, кистени, а также обломки мечей, сабель, кольчуг и шлемов. Особого упоминания заслуживает огромное количество шпор, в том числе несколько экземпляров с серебряной и золотой инкрустациями.

10. По всей площади городища лежат многочисленные скелеты людей, погибших от огня и меча. Много женских и детских скелетов найдено под развалинами сгоревших жилищ и внутривальных клетей.

11. Состав разнообразных многочисленных находок и анализ летописных известий позволили установить, что городище представляет собой остатки небольшого городка Волынской земли, лежавшего на пути движения татаро-монгольских полчищ, между Киевом и Владимиром-Волынским. Городок, возникший, по-видимому, во второй половине XII в., был разгромлен в 1241 г., после чего жизнь в нем не возобновилась. Есть основания предполагать, что городище является остатком упоминаемого летописью города Изяславля.

12. В прибрежной части городища под слоем пожарища 1241 г. обнаружены остатки поселения, относящегося к первым столетиям н. э. Наряду с керамикой черняховского типа, римскими монетами и бронзовыми фибулами

особый интерес представляет синхронная лепная керамика.

13. Значение памятника для истории древней Руси накануне монгольского нашествия исключительно. Это единственный древнерусский город, раскопанный полностью и потому позволяющий с небывалой полнотой представить все стороны его материальной и духовной культуры. С потрясающей силой раскрылась трагическая судьба этого города, население которого подверглось тотальному уничтожению татаро-монгольскими полчищами.

Р. А. Юра

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО ПЕРЕЯСЛАВА

По свидетельству летописи, в 80-е годы XI в. в Переяславе Русском, одном из старейших русских городов, при митрополите Ефреме были построены три церкви — Михайловская соборная, Федоровская надвратная и Андреевская у ворот, загадочное «строенно банное камено, сего же не был в Руси», а также другие каменные сооружения. Всех их летопись не перечисляет, а просто указывает: «въкраси городъ Переяславьскыи зданьи цркъвными и прочими зданьи». Упоминает летопись и о том, что митрополит Ефрем «град бе заложилъ каменъ, от церкве святаго мученика Феодора», т. е. оградил свою резиденцию каменной стеной.

После постройки Ярославом Мудрым «града великого Киева» комплекс сооружений Переяслава был самым значительным явлением в строительстве древней Руси.

К сожалению, ни одно из упомянутых в летописи сооружений не уцелело до наших дней: в 1239 г. татарское нашествие стерло с лица земли некогда цветущий город.

Планомерные археологические исследования древнего Переяслава начались лишь после окончания Великой Отечественной войны. Многолетняя экспедиция, возглавляемая М. К. Каргером, открыла в южной части детинца фундаменты летописного Михайловского собора, а также обнаружила остатки еще четырех церковных

построек XI—XII вв: двух на детинце и двух на посаде. Храм, обнаруженный вблизи Михайловского собора, М. К. Каргер определил как летописную церковь Андрея у ворот. В 1958 г. Ю. С. Асеевым и М. Ю. Брайческим в северной части детинца был раскопан храм конца XI в., который был интерпретирован исследователями как Богородичная (Успенская) церковь на Княжом дворе, построенная в 1098 г. Владимиром Мономахом.

Не оставалось сомнений в том, что митрополичий двор, а с ним и большинство упоминаемых в летописи построек, сооруженных при митрополите Ефреме, следует искать в южной части детинца, в районе Михайловского собора.

В 1950—1960 гг. комплексной экспедицией Института археологии АН УССР, Переяслав-Хмельницкого государственного исторического музея и Академии строительства и архитектуры УССР под руководством автора к юго-востоку от Михайловской церкви внутри детинца были исследованы остатки каменных городских ворот с надвратной церковью, которую следует связывать с летописной церковью святого Федора.

Архитектурный комплекс представляет собой две параллельные массивные стены, ограничивающие вымощенный каменными плитами проезд шириной 4,5 м. К южной стене ворот примыкает прямоугольная в плане башня с дверным проемом и внутренней лестницей, ведшей к надвратной церкви. К последней относятся обломки штукатурки с фресковой росписью, мозаичная смальта, обломки круглого оконного стекла, куски свинцовой кровли, обнаруженные среди строительного развала. К воротной башне подходит стена (шириной 1,2 м), расчлененная лопатками, которая ограждала митрополичий двор (летописный «каменный град»).

Открытие городских ворот с надвратной церковью святого Федора и «каменного града» уточнило топографию той части детинца, где находился митрополичий двор.

В 1962 г. в 50 м к северо-западу от Михайловского собора, вблизи вала детинца, автором были выявлены фундаменты и нижние части стен какой-то древнерусской постройки конца XI в.

В 1963 г. раскопки были продолжены и закончены. Здание оказалось прямоугольным в плане (18×11 м),

двухкамерным. Массивность продольных стен (толщиной до 1,5 м) свидетельствует о многоэтажности здания и о его сводчатом перекрытии. Для придания большей прочности продольным стенам были применены контрфорсы и ступенчатый фундамент. Кровля была черепичной, но в отдельных местах применялись свинцовые листы. Полы внутренних помещений были выложены из шиферных плит, инкрустированных мозаичной смальтой. Интерьеры сооружения имели исключительно богатое оформление (многочисленные фрагменты мраморных архитектурных деталей — колонн, плит, карнизов, панелей; керамические поливные плитки, кубики разноцветных смальт от настенных мозаичных композиций). Уникальной находкой являются обломки керамических водопроводных труб, обнаруженные под плитами пола. Следует упомянуть также найденную в одном из помещений вислую свинцовую печать, относящуюся к кругу владычной сфрагистики.

Все сказанное выше дает нам основание видеть в открытом сооружении часть дворцового комплекса переяславских митрополитов, где находились богато украшенные залы для торжественных приемов, и связывать его со строительной деятельностью митрополита Ефрема. Следует подчеркнуть, что до последнего времени в Переяславе были известны лишь памятники церковной архитектуры, и открытый нами памятник является первым переяславским гражданским зданием домонгольского времени.

Открытие в Переяславе городских ворот с надвратной церковью и части митрополичьего дворцового комплекса конца XI в. вносит много нового в историю русской архитектуры.

В. И. Довженок

ЧУЧИН — ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД-КРЕПОСТЬ НА ДНЕПРЕ

1. Среднее Поднепровье относится к числу наиболее богатых в археологическом отношении районов Европы. На берегах Днепра только на участке между Киевом и

рекой Росью зарегистрировано свыше 120 поселений и могильников разных периодов, среди них 13 древнерусских городищ.

Выдающимся памятником эпохи Киевской Руси является Щучинское городище, представляющее собой остатки древнего Чучина, упоминаемого летописью под 1110 г. Принадлежность Щучинского городища древнему Чучину устанавливается летописными данными и наименованием села, возле которого городище находится.

2. Щучинское городище расположено на правом берегу Днепра (на высоте 70 м над уровнем реки) и состоит из детинца (2,3 га) и окольного города (3,7 га), укрепленных двумя линиями валов и рвов. Раскопки, проводившиеся на площади детинца и окольного града, обнаружили остатки фортификации (городни) и 15 построек жилого и хозяйственного назначения — наземных и опущенных в грунт.

В окольном граде прослежена система застройки в виде двух рядов жилищ, образующих улицу. Обнаружены остатки жилищ, как оставленных их обитателями, так и сгоревших. Хронологически первые предшествуют вторым. От сгоревших жилищ сохранились остатки, позволяющие реконструировать их план, конструктивные принципы и детали, обстановку. Многое сохранилось от домашнего инвентаря (орудия труда, оружие, посуда и т. п.). Часто предметы находились в тех же местах, которые они занимали при жизни на городище. Обращает на себя внимание уникальный бронзовый оклад книги с изображением святителя церкви Василия — популярного на Руси святого. Степень сохранности жилищ и обнаруженные в них предметы позволяют представлять жизнь и быт обитателей городища с наглядной реалистичностью и выразительностью.

3. Археологические данные (местоположение городища, расположение в нем жилищ, характер жилищ, инвентарь и т. п.) позволяют разгадать социальную принадлежность обитателей Щучинского городища.

По своему социальному положению они отличались от обитателей городищ типа Райки и Изяславль, в которых следует усматривать прежде всего дворовую челядь — закупов. Жители Щучинского городища принадлежали к военному сословию, известному в письмен-

ных источниках под названием младшей дружины. Здесь, в Чучине, находился, видимо, один из сторожевых военных отрядов Киевского государства, задачей которого было не допускать переправы врага через Днепр с левой стороны. В былинах пункты, подобные Чучину, названы заставами богатырскими.

4. Чучин — одна из крепостей, входивших в оборонительную систему на Днепре. Систему эту составляли Китаевское городище, Треполь, Халеп, Витичев, Новгород-Святополчий, Иван, Чучин, Ходоровское городище, Заруб, Григорьевское городище, Канев, Княжья гора. Все эти города-крепости располагались в стратегически удобных условиях, каждая из них имела свой сектор наблюдения и обороны. Связь между ними осуществлялась путем световой сигнализации.

Днепровская оборонительная система являлась частью общей системы, защищавшей Киевскую Русь с юга и юго-востока. На юге — это Поросская система, на юго-востоке — Посульская. Города-крепости на Днепре составляли дополнительный оборонительный рубеж с востока на случай прорыва противником Посульской линии.

5. Города-крепости находились во владении представителей верхушки феодального класса. Строительство оборонительных рубежей киевским князем выражалось в пожаловании феодалам земель на условиях обеспечения обороны. Можно предполагать, что владельцем Чучина являлся известный по летописи во второй половине XI в. боярин Чудин — один из представителей влиятельного аристократического рода Киевской Руси.

Г. В. Штыхов

ПОЛОЦК И ВИТЕБСК IX—XIII вв. В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Полоцк впервые упомянут в «Повести временных лет» под 862 г. Важное значение имеет сообщение летописи «Перьвии насельници... в Полотьски кривичи».

Имеются основания полагать, что Полоцк как город сложился на основе племенного центра полоцких кривичей VIII—IX вв. в процессе обрастания его в X—XI вв. новыми поселениями. В истории города имело место передвижение первоначального укрепленного центра с городища (площадь немногим более 0,5 га) на другой участок, находящийся при впадении Полоты в Западную Двину (Верхний замок площадью до 7 га), что произошло не ранее начала XI в. Территория города составилась постепенно из нескольких поселений. В конечном итоге, помимо старого и нового укрепленных центров, образовались городские районы («концы»), разделенные руслами рек, оврагами и незастроенными пространствами, вероятно, используемыми под огороды.

Ипатьевская летопись (под 862 г.) связывает возникновение Полоцка и некоторых других городов с именем князя Рюрика. Норманисты видят в этом сообщении доказательство тезиса о варягах как основателях государства на Руси. Выяснение времени и путей происхождения Полоцка показывает беспочвенность подобных рассуждений. В IX в. (ни в 862 г., ни после этого) Полоцк еще не был городом. Существуя в это время как населенный пункт кривичей, он не претерпел изменений в своей топографии и размерах вплоть до середины X в. Только со второй половины X в. наблюдаются новые явления, говорящие о быстром развитии Полоцка как центра ремесла и торговли со значительным населением, что обусловлено ростом феодальных отношений.

Археологические раскопки со всей очевидностью показали, что основой роста Полоцка и его существования как города было развитие ремесленного производства и торговли. Установлено широкое распространение в Полоцке железообрабатывающего, ювелирного, кожевенно-сапожного, костерезного, камнерезного и других ремесел. При раскопках найдено большое количество соответствующих изделий, а также встречены отходы ремесла, полуфабрикаты, остатки мастерских. Полоцк был богатым ремесленно-торговым центром. Вместе с тем в занятиях горожан крупное значение имело сельское хозяйство.

Как известно, в древней Руси шел процесс сближения восточнославянских племен, который, разрушая племенную замкнутость, вел к созданию единой древнерус-

ской народности. Этот тезис полностью применим к территории Полоцкой земли, главным городом которой был Полоцк. Материальная культура древнего Полоцка, хорошо представленная в археологических материалах, как-то: тип жилищ и печей, покрой обуви, орнаментированные и неорнаментированные бытовые вещи, типы ремесленных изделий и техника их изготовления — все подтверждает вывод об однородности древнерусской культуры. Особенно близка материальная культура древнего Полоцка к культуре Новгорода, Пскова, Смоленска и других городов лесной полосы Восточной Европы. Полоцк, как и названные города, оказывал влияние на хозяйственное и культурное развитие соседних неславянских народов Прибалтики. И в свою очередь сам испытывал влияние культуры этих народов. Некоторые местные отличия и особенности в древнерусский период существования Полоцка прослеживаются в керамическом материале, в монументальной архитектуре, в языке документов, в политическом строе.

Вторым по значению после Полоцка городом Полоцкой земли является Витебск, тоже расположенный на Западной Двине при впадении в нее Витьбы. Первое упоминание о нем в «Повести временных лет» относится к 1021 г. В поздней местной летописи есть предание об основании Витебска в 974 г. Археологические исследования позволили открыть совершенно новую страницу в его начальной истории.

Местоположение древнейшей части Витебска (Верхний и Нижний замки) четко определяется по чертежам города XVII—XVIII вв. Верхний замок разделялся прудом на восточную и западную части. В восточной части находилось древнейшее городище. Оно являлось первоначальным укрепленным центром Витебска, впоследствии расширенным за счет соседнего поселения, расположенного у самого устья Витьбы. Новый детинец получил позже общее название Верхний замок (7 га). К нему прилегал Нижний замок (около 8 га), окруженный рукавом Витьбы — «ручьем». Территория Нижнего замка сложилась также из восточного и западного холмов. На вершине последнего располагалась Благовещенская церковь, построенная в последней четверти XII в.

У Благовещенской церкви производились раскопки в 1963—1964 гг. В нижних пластах культурного слоя

встречена славянская как лепная, так и гончарная керамика вместе с другими вещами, бытование которых не выходит за пределы X в. На материке залегал пласт только с лепной керамикой, датируемый примерно VIII—IX вв. Обнаруженные в Витебске материалы близки к материальной культуре, известной по раскопкам так называемых длинных курганов, которые определяются большинством исследователей как погребальные памятники кривичей. Витебск не уступает по возрасту Полоцку и тем другим населенным пунктам IX в., предшественникам городов, на основе которых выросли последние в качестве древнейших административных, ремесленно-торговых, военных и культурных центров.

Полоцк и Витебск являются типичными древнерусскими городами, выросшими на основе нескольких ранних поселений, путем их срастания в единый ремесленно-торговый пункт городского типа.

Ф. Д. Гуревич

ДРЕВНИЙ НОВОГРУДОК

1. Новогрудок под именем Новогородка впервые упоминается в древнерусской летописи в середине XIII в. В итоге археологических работ, проведенных Ленинградским отделением Института археологии Академии наук СССР, неоспоримо доказано, что возникновение города относится к концу X и началу XI в.

С начала своего возникновения город состоит из детинца и неукрепленного посада.

2. В посаде древнего Новогрудка в X—XI вв. были преимущественно наземные жилища, в которых сохранились следы разнообразной хозяйственной деятельности. В пределах посада производилась обработка железа, в некоторых жилых постройках имели место литье и холодная обработка цветных металлов, резьба по кости, обработка камня и дерева. Найдено сравнительно мало материалов, отражающих уровень развития сельского хозяйства. Эти данные, а также большой курганный могильник, открытый вблизи Новогрудка, дают основание

полагать, что на рубеже X и XI вв. здесь, на западной границе Руси, существовало значительное поселение.

3. В XII в. новогрудский посад обносится валом и на его территории, названной в летописи «окольным градом», живет богатое, главным образом купеческое население города. Этому населению принадлежали большие срубные и дерево-глинобитные, по-видимому, двухэтажные дома. Замечательной особенностью одной из жилых построек являлось то, что стены ее были покрыты фресковой росписью.

Характер ремесла в окольном городе XII—XIII вв. специфичен. В усадьбах купцов жили ремесленники, ювелиры, выделывавшие простые украшения и снабжавшие ими как горожан, так и жителей окружающих город сельских поселений.

Подавляющая часть инвентаря богатых построек состоит из утвари, оружия и предметов роскоши. Среди последних много импортных изделий — украшений из цветных и благородных металлов и разнообразной стеклянной посуды, сделанной как в древнерусских, так и восточных (Византия, Сирия) и западных (Рейн) мастерских. Импортные изделия окольного города Новогрудка совершенно по-новому рисуют обширные связи западных областей Руси с внешним миром.

На новогрудском детинце открыты небольшие срубные постройки, принадлежавшие, как можно полагать, княжеской челяди и ремесленникам.

4. В 50—70-х годах XIII в. между литовскими и галицко-волынскими князьями ведется борьба за овладение Новогрудком. Во время одной из битв в 1274 г. гибнет окольный город. В дальнейшем жизнь продолжается на новогрудском детинце и ремесленно-торговом посаде, вынесенном за пределы городских укреплений.

А. А. Ратич

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА В СУДОВОЙ ВИШНЕ

(Львовская обл. Украинской ССР)

Территория юго-запада древней Руси в археологическом отношении изучена пока недостаточно. Широкие и плановые исследования начались здесь только после

второй мировой войны. В плане этих исследований в 1957—1962 гг. проведены значительные раскопки в городе Судовая Вишня (Северное Прикарпатье), где были обнаружены остатки двух древнерусских городищ. Одно из них, расположенное на западной окраине города в урочищах «Замчиска» и «Валы», было укреплено валами высотой до шести метров, сохранившимися только вокруг детинца. На посаде они совершенно разрушены. Толщина культурного слоя городища колебалась от 0,30 до 1,20 м. За время 6-летних исследований вскрыта вся площадь детинца, значительные участки посада и раскопан вал вокруг детинца. Вал построен на городнях. В нем находились башни и ворота. Остатки первых вскрыты в нескольких местах. Ворота детинца находились в его юго-западной части. От них сохранились два ряда столбов с шириной пролета от центра детинца — 2,60 м, а извне — 4 м. В южном ряде столбов вскрыто углубление в виде круглой ниши (диаметром 1 м), укрепленной столбами, очевидно остатки лестницы из пролета ворот вверх на вал. В пролете залегало значительное скопление сгоревших балок — остатки надвратной башни. Вскрытые ворота — первые и пока единственные на территории Юго-Западной Руси. В восточной части детинца обнаружен колодец (диаметром 4 м). На раскопанной на городище площади в 5659 м² вскрыты остатки жилищных и хозяйственных сооружений, городен, ям и собран значительный вещевой материал. Жилища двух типов: полуземлянки и наземные. На детинце открыты печи-каменки, на посаде — глинобитные печи. Городни вала имели оборонительное назначение, но использовались и для хозяйственных нужд. Среди вещевого материала городища преобладала керамика, в основном гончарная. Она представлена горшками, сковородками, мисками, толстостенными блюдами и пряслицами. Горшки нескольких форм, без орнамента или украшенные прямыми, реже волнистыми, линиями. На днищах некоторых из них имелись несложные клейма (круг, крест). Горшки всех форм найдены во всех сооружениях, но в разном количественном между ними соотношении. Они датируются в основном X—XI вв., но в некоторых случаях и более ранним временем. Сковородки, миски и глиняные блюда, найденные только в некоторых углубленных жилищах, позволяют датировать их

временем до X в. Из металлических изделий обнаружены орудия земледелия и ремесла, предметы быта, вооружения, снаряжения всадников и конской сбруи. Жернова и бруски найдены почти в 1/3 части вскрытых сооружений. Меловые и шиферные пряслица попадались редко. Из костяных изделий заслуживает внимания проколка с зооморфной головкой, из стеклянных — шаровидная бусина. На городище не найдено амфорной тары и стеклянных браслетов. Обнаруженные на городище изделия из металлов, камня и кости датируются также в основном X—XI вв. Результаты археологических исследований, установленная стратиграфия памятника и анализ вещевых материалов свидетельствуют о том, что территория городища «Замчиска» была заселена в X—XI вв., но наличие для некоторых вещевых материалов более ранних аналогий с территории Чехословакии (Девинская, Новая Весь и др.) не исключает и более раннего ее заселения. До конца X — начала XI в. здесь находилось открытое древнерусское селение, а позже феодальный замок. В течение XI в. он был раз, а возможно, и два раза частично разрушен, а в конце XI или в начале XII в. вообще прекратил существование. Особого внимания заслуживает женское погребение с богатым вещевым материалом X—XI вв., открытое в окрестностях этого городища. Наличие на детинце уже в XI в. наземных жилищ опровергает мнение об исключительно полуземляночном характере жилищ юга древней Руси.

Другое городище в Судовой Вишне находилось в восточной части города на мысу между рекой Вишня и безымянным ручьем в урочище «На Чвораках». Значительные укрепления этого городища существовали до второй мировой войны, когда были разрушены при строительстве кирпичного завода, а его территория застроена домами. В остатках вала прослеживались деревянные конструкции. Собранный на месте городища вещевой и керамический материал позволяет датировать городище XII—XIII вв.

Результаты археологических исследований в Судовой Вишне свидетельствуют о наличии на ее территории в период древней Руси двух укрепленных поселений, одного с конца X до начала XII в., а другого в XII—XIII вв. По планировке и технике строительства оборонительных сооружений оба городища принадлежали к древнерус-

ским крепостям типа Райки, Городок, Колодяжин (на территории Украинской ССР) и Грудек Надбужный, Сутейск (Сонцяска) на территории Польской Народной Республики. Строительная и оборонительная техника всех этих крепостей и облик материальной культуры их жителей — древнерусские. Городища в Судовой Вишне, расположенные на древнем и важном стратегическом пути Юго-Западной Руси между двумя стольными городами Галицкой Земли — Звенигородом и Перемышлем, играли немалую роль в политических событиях того времени. Древнерусская Вишня упоминается в летописях один раз под 1230 г., как место сговора великого боярина Филиппа с белзским князем Александром против Даниила Галицкого. Есть все основания связывать летописную Вишню с городищем в Судовой Вишне, расположенном в урочище «На Чвораках». По результатам археологических исследований древнерусская Вишня существовала как населенный пункт более трех столетий до первого упоминания о ней в письменных источниках.

П. А. Раппопорт

ПЛАНИРОВКА ЗАПАДНОРУССКИХ ГОРОДИЩ X—XI вв.

1. Плановая структура городищ является одной из важнейших особенностей, отражающих общую организацию обороны древних укреплений. Изучение планировки городищ может дать ценные сведения как для характеристики развития военно-инженерного искусства, так и для социальных и этнокультурных выводов.

2. Обследование городищ западнорусских земель, проведенное за последние годы отрядом по изучению крепостей, показало, что в планировке этих городищ есть особенность, резко отличающая их от городищ, находящихся во всех остальных районах Русской земли. Эта особенность — наличие в X—XI вв. городищ, расположенных на плоской местности и имеющих в плане сознательно приданную им геометрически правильную округлую форму. В Среднем Поднепровье такие городища появляются во второй половине XI в., а в севернорусских земляных — лишь в XII в.

3. Детальный анализ планировки западнорусских городищ X—XI вв. приводит к выводу, что среди них имеется несколько различных групп городищ округлой формы, причем каждая группа занимает совершенно определенную территорию.

А. Круглые городища, окруженные довольно высокими валами и расположенные на пологих склонах — в бассейне среднего течения Южного Буга и в междуречье Днестра и Прута (в северной части современной Молдавии).

Б. Круглые городища с очень слабыми валами или вовсе без валов, расположенные среди заболоченной низины,— в Припятском Полесье.

В. Городища «волынского типа», имеющие в плане форму квадрата с округленными одной или двумя сторонами,— на территории лесостепной части Волыни.

Г. Круглые городища, окруженные несколькими линиями валов, расположенными большей частью неконцентрично,— в северо-западной части Волыни, в Подляшье и западной части так называемой Черной Руси.

В Галицкой земле, в отличие от всех остальных западнорусских территорий, округлых городищ нет. Здесь все городища X—XI вв. полностью подчинены естественному рельефу местности.

4. Наличие в западнорусских землях округлых в плане городищ X—XI вв. свидетельствует о тесной связи этих районов с западнославянским миром. Возможно даже более детально указать, куда ведут военно-инженерные связи этих земель. Так, городища «волынского типа» имеют аналогии лишь в землях поморских и полабских славян. Отсутствие в этот период округлых городищ в Галицкой земле свидетельствует о связях с Малопольшей. В дальнейшем необходимо попытаться определить, где находятся ближайшие аналогии остальных вариантов западнорусских круглых городищ.

Сходство отдельных типов планировки западнорусских городищ X—XI вв. с западнославянскими городищами говорит о том, что в области военно-инженерных традиций здесь существовали еще в это время догосударственные, племенные связи.

В. И. Довженок

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДЕРЕВНИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

В исторической литературе XIX — начала XX в. и современной освещались многие вопросы по истории древнерусской деревни домонгольского времени, преимущественно на основании письменных источников. К таким вопросам относятся классовый и сословный состав сельского населения, правовое положение различных сословий, характер сельской общины и т. п. Археологические источники позволяют расширить круг этих вопросов и уточнить наши знания о древнерусской деревне. В частности они позволяют представить облик древнерусской деревни как поселения и материальные условия жизни различных социальных групп сельского населения.

Древнерусская деревня в археологическом отношении исследована еще недостаточно, что выражается в неполноте археологической разведки древнерусской территории и ограниченности числа поселений, подвергавшихся стационарным археологическим раскопкам. Большинство известных в настоящее время древнерусских сельских поселений сосредоточено в северо-западных и северо-восточных районах Руси, где производились систематические археологические разведки. В южных районах разведки производились по Днепру от Припяти до Роси, по Роси, Россаве, Суле, Гнилопяти и по некоторым другим рекам. Более или менее значительным раскопкам подвергалось около трех десятков сельских поселений, селищ, и городищ. Исследовались могильники, относящиеся к сельским поселениям.

К числу важных вопросов по истории древнерусской деревни, для постановки которых уже имеются археологические данные, относятся такие, как заселенность территории Киевской Руси, типология сельских поселений, хозяйственная деятельность, имущественное и социальное положение их жителей.

Территория Киевской Руси была густо заселена. Сельские поселения обнаруживались по течению каждой реки, где проходил маршрут археологической разведки. Находились они на расстоянии от одного до десяти километров одно от другого, а в некоторых районах распола-

гались по течениям рек сплошной цепью. Наиболее густо заселенными районами Руси были лесостепное и верхнее Поднепровье, Верхнее Поволжье, среднее и верхнее течение Оки, Суздальское околье.

В Поднепровье; на территории между Стугной и Росью, не известны сельские поселения, относящиеся к IX — первой половине X в.,— древнейшему периоду Киевской Руси. Имеющиеся здесь поселения датируются не ранее второй половины X в., что объясняется особыми историческими условиями этого района. В период печенежской опасности здесь невозможна была постоянная оседлая жизнь. Она стала возможной лишь в результате государственных мероприятий по обороне страны, осуществленных Владимиром I.

Исходным типом древнерусских населенных пунктов было неукрепленное (открытое) поселение, известное в дофеодальный период на всех славянских землях. В период сложения феодальных отношений общественное разделение труда и социальное расслоение привели к дифференциации поселений, появились города и феодальные укрепленные усадьбы, как сосредоточение новых общественных слоев и классов.

Памятниками сельских поселений эпохи Киевской Руси являются селища и городища. Селища располагаются как обособленно от городищ, так и вблизи их. Селища различны по размерам: есть небольшие с площадью в несколько сот квадратных метров и большие, занимающие площадь в несколько гектаров. Соответственно размерам своей площади поселения имели разное число дворов — от нескольких единиц до нескольких десятков. Городища, как тип сельских поселений, отличаются небольшими размерами, их площадь редко превышает 1 га.

В письменных источниках древней Руси домонгольского периода известно несколько терминов, обозначающих сельские поселения,— село, деревня, двор, погост. Возможно, что каждый из этих терминов обозначал особый тип поселения, хотя эта особенность по письменным источникам улавливается не всегда. Село упоминается часто как термин, обозначающий преимущественно крупное неукрепленное поселение, населенное зависимыми людьми. Деревня упомянута в источниках эпохи Киевской Руси один раз, что послужило основанием для неко-

торых ученых считать это название позднейшим. В позднейших источниках деревней назывались неукрепленные, преимущественно небольшие поселения, тяготеющие к селам. Двор выступает во многих значениях. Как особое поселение он означает усадьбу феодала, преимущественно укрепленную. Погостом источники называют административный центр сельской округи.

Типы поселений, отмеченные письменными источниками, находят соответствия в археологических памятниках. Большие селища и в частности те, что располагаются у городищ, были, видимо, селами и некоторые из них могли быть административными центрами сельской округи — погостами; селища незначительных размеров, располагающиеся вдали от городищ,— деревнями, городища небольших размеров и с насыщенным культурным слоем — феодальными дворами.

Наибольшее число городищ с примыкающими к ним селищами известно в южных районах; селищ, располагающихся вдали от городищ, здесь известно мало. В северных районах засвидетельствовано большинство открытых, не связанных с городищами поселений. Объясняется это особыми социально-экономическими условиями разных районов Руси. Феодальные отношения на юге были более развитыми, здесь были более распространенными собственные хозяйства феодалов, центрами которых являлись укрепленные дворы-усадьбы. Сосредоточение селищ у городищ вызывалось и потребностями обороны сельского населения от кочевников.

Географическое расположение и топография сельских поселений отражают хозяйственную деятельность их жителей. Преобладающее большинство городищ и селищ сосредотачивается в местах, где имеются удобные для земледелия почвы. В непосредственной близости от поселений находятся воды, леса и луга. При выборе мест поселений учитывались выгоды всех отраслей сельского хозяйства — земледелия, скотоводства и промыслов. Особое же значение для характеристики хозяйственной деятельности жителей сельских поселений имеет полученный в результате раскопок городищ и селищ инвентарь. Он не только показывает хозяйственные отрасли, но и позволяет установить их уровень развития, а также экономическое значение.

Результаты раскопок селищ и городищ позволяют проследить те социальные группы сельского населения, которые жили на неукрепленных селищах и городищах.

На селищах, расположенных вдали от городищ (Лебедка, Дросенское, Яновское, Комаровка) и примыкающих к ним (Сахновка, Райки, Николаевка), крестьянские усадьбы располагались обособленно. Археологический инвентарь отражает различные отрасли сельского хозяйства и свидетельствует о хозяйственной самостоятельности крестьянских дворов. Хотя юридическое положение жителей этих селищ, степень и формы их феодальной зависимости могли быть различными. В жителях селищ, расположенных вблизи городищ, естественно видеть лично зависимых смердов, тогда как на удаленных от городов селищах жили, видимо, лично свободные смерды. Размеры крестьянского хозяйства и объем производства устанавливаются на основании производительности найденных на селищах орудий труда.

На городищах — феодальных усадьбах (Райки, Колодяжин, Изяславль и др.) жилища и хозяйственные помещения были конструктивно связаны с оборонной системой и строились одновременно с укреплением или же располагались компактно в центре городища. Но каждая проживающая здесь семья имела у себя орудия производства и хозяйственный инвентарь. Видимо, здесь проживало зависимое население, работающее орудиями господина и отвечающее за сохранность этих орудий. «Русская правда» называет эту категорию населения закупами. Есть и иная точка зрения, согласно которой жителями этих городищ являются дружинники, ведущие свое хозяйство.

Жилищ феодалов — владельцев укрепленных усадеб на городищах не обнаружено. Но о том, что они проживали на некоторых из них, свидетельствуют находки драгоценных кладов (Княжа-гора, Девич-гора).

Феодальные хозяйства, реконструируемые по археологическим данным, подобны по своим размерам и характеру тем, что упоминаются в летописях.

М. Г. Рабинович

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МОСКВЫ

1. Археологические памятники Москвы и Подмосковья привлекли внимание исследователей еще полтора столетия тому назад. С их изучением связаны имена З. Доленга-Ходаковского, И. Е. Забелина, А. П. Богданова, Д. Н. Анучина и др. Но только после Великой Октябрьской социалистической революции археологические работы достигли широких масштабов. Главными работами первых десятилетий Советской власти были планомерные исследования подмосковных курганов под руководством В. А. Городцова, детальная разведка памятников Москвы и Подмосковья, в результате которой появилась археологическая карта О. Н. Бадера, археологические наблюдения на строительстве московского метрополитена, которыми руководил А. В. Арциховский [1].

2. Специальные археологические раскопки в Москве начались сразу же после Великой Отечественной войны и с небольшими перерывами ведутся уже почти двадцать лет Институтом археологии АН СССР, Государственным историческим музеем, Музеем истории и реконструкции г. Москвы, Центральными научно-реставрационными мастерскими (руководили раскопками Н. Н. Воронин, А. Ф. Дубынин, Б. А. Рыбаков, Н. Д. Шеляпина и автор настоящего доклада). Исследованы центральные районы города — Кремль и примыкающий к нему Великий посад (Китай-город), а также важный производственный район — Гончарная слобода [2]. Большое значение имеют и продолжающиеся археологические наблюдения за земляными работами на всей территории города. В результате всех этих исследований можно составить довольно полное представление о культурном слое центральных районов современной Москвы.

3. В культурном слое Москвы ясно выделяются три горизонта. Наиболее мощный верхний содержит отложе-

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; Сб. «По трассе 1-й очереди московского метрополитена». М., 1935.

[2] См. Материалы и исследования по археологии Москвы, т. I—III. МИА, № 7, 12, 44. М., 1947—1954, М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1965.

ния XVII—XX вв. Второй горизонт связан с периодом возвышения Москвы XIV—XVII вв. Нижний относится ко времени зарождения и первоначального развития города (XI—XIV вв.). Удалось проследить также распространение каждого из этих горизонтов, что определяет примерно и территорию города в соответствующий период.

4. Так, изучение культурного слоя позволило определить местоположение первоначального ядра города. Поселение на устье реки Неглинной было самым древним, а не вторичным, как полагали одно время. Древнейшие отложения, не содержащие еще находок стеклянных браслетов, на мысу в районе Боровицкой башни достигают мощности почти в 1 м. Во времена Мономаха детинец городка, укрепленный рвом и валом, достигал современного Большого дворца, а его неукрепленный посад простирался до современного Дворца съездов, а по низкому берегу Москвы-реки шел узкой полосой метров на 800 к пристани. Здесь найдены вещи конца XI — начала XII в. В середине или второй половине XII в. в Москве была выстроена новая более мощная и обширная крепость. Она, по-видимому, включала уже территорию современного Дворца съездов и Соборной площади. Конструкция ее имела общие черты с укреплениями Познани и некоторых других великопольских городов. Вырос и посад, занявший в XII—XIII вв. почти всю территорию современного Кремля и москворецкого Подола. В этих границах Москва оставалась до начала XIV в.

5. Культурный слой XIV—XVII вв. распространен уже на всей территории современного центра города в пределах Садового кольца, а кое-где и за его пределами. В этих случаях он обозначает подгородные слободы и села. В культурном слое XIV—XVII вв. изучены части укреплений Кремля и посада, жилые дома и мастерские, сооружения городского хозяйства. Археологические материалы свидетельствуют о бурном развитии ремесел, значительных сдвигах в технике и организации ремесленного производства. Углубляется разделение труда, а в XVI—XVII вв. появляются и первые мануфактуры.

6. Лучше других изучено керамическое производство. Анализ керамики позволил выделить 16 ее типов, проследить их количественное соотношение в датированных по другим признакам комплексах. Сопоставление этих

данных позволяет составить таблицы и построить кривые, характеризующие распространение во времени ведущих типов московской керамики. Из них видно, что уже к середине XIV в. 75% всей московской керамики обжигалось в специальных гончарных горнах при температуре не ниже 700—900°. С XV в. московские гончары осваивают и восстановительный обжиг, с помощью которого к началу XVI в. изготовлялось до 50% изделий. Расширяется ассортимент гончарной продукции, а к концу XVI — середине XVII в. относятся открытые в Гончарной слободе крупные гончарные мастерские — мануфактуры.

7. К XV—XVII вв. относятся находки, свидетельствующие о развитии в Москве специфичных для столичного города тонких художественных ремесел — резьбы по кости и дереву, орнаментирования кожи и т. п.

8. Археологические исследования Москвы позволили проследить развитие территории, производства и хозяйства города и существенно дополнить сведения письменных источников.

Э. С. Мугуревич

РАЗВИТИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ

1. На территории Латвии обнаружено 400 городищ, в $^1/_6$ части которых констатированы поселения или форбурги, а также 100 каменных замков ливонского периода. Важным этапом развития и формирования этих памятников является период с середины I тысячелетия до середины II тысячелетия, когда в общественной жизни населения территории Латвии происходят значительные перемены.

2. В последние годы латвийские археологи, следуя традициям советской археологии, обратились к широкому исследованию городищ, посадов и сельских поселений на больших площадях раскопов. Это дает возможность подробно проследить основные принципы и взаимосвязь происхождения и развития поселений различных

типов в разные периоды времени. Особенно обширные раскопки поселений рассматриваемого периода проводились в течение последнего пятилетия, когда в среднем течении Даугавы (Зап. Двины), в зоне затопления строящейся Плявиньской ГЭС, был исследован целый микрорайон (19 поселений, 8 могильников).

3. Начиная с середины и второй половины I тысячелетия на поселениях Латвии прослеживается ряд закономерных особенностей, отличающих их от поселений предыдущего периода. Резко возрастает численность поселений всех типов, а в особенности городищ (из всех исследованных в зоне Плявиньской ГЭС поселений более половины возникли именно в указанный период). Судя по находкам керамики, можно полагать, что большинство городищ Латвии возведено в качестве мощных укреплений во второй половине I тысячелетия. Это в значительной мере может быть объяснено формированием отношений классового общества, когда городища становятся укрепленными местами жительства представителей знати и их дружинников. Характерные для Латвии в предшествующий период немногочисленные укрепленные поселения (Даугмале, Мукукалнс) продолжают существовать и в рассматриваемое время, в то время как неукрепленные поселения (Спиетыни) либо хиреют, либо прекращают свое существование (Кивты). В отличие от оборонительных сооружений более раннего периода, в особенности I тысячелетия до н. э. (палисады столбовой конструкции, плетеные изгороди), в данный период господствующими становятся сооружения в виде двойных деревянных стен на каменном основании (Олинькалнс, Локстене), либо земляных валов с решеткообразным или камеровидным закреплением (Кентескалнс). Первый вид сооружений спорадически появляется уже в предыдущий период (Кланьгюкалнс, Мукукалнс). Если каменные основания деревянных оборонительных сооружений VI—X вв. не превышают высоты 1—2 м, то земляные валы постепенно повышаются до 5—6-метровой высоты (Кентескалнс). В этот период существуют углубленные в землю и наземные постройки, очень редко — постройки полуземляночного типа. С VIII в. господствующими становятся наземные постройки срубного типа, отапливавшиеся печами-каменками, постепенно сменявшими открытые очаги предыдущего периода. В этот период при всех

крупных городищах складывались открытые поселения (Кентескалнс, Тервете и др.) и форбурги (Кишукалнс, Селпилс).

Своеобразным видом укрепленных поселений были свайные постройки на озерах (в северо-западной части территории латгалов зарегистрировано 10 поселений), в которых вместо земляных или каменных оборонительных сооружений используется естественная защита окружающего их водоема (поселения на оз. Ущуру, Арайшу).

В V—X вв. широкое распространение получают неукрепленные поселения (Пигены, Кукури), по своим размерам значительно превышающие укрепленные, но по строительным приемам мало отличающиеся от первых.

4. Существенные перемены в развитии поселений наступают в X—XI вв., когда на территории Латвии завершается процесс формирования раннефеодальных отношений. Небольшие, равно как и слабо укрепленные городища, в особенности расположенные близ более крупных центров, прекращают свое существование (Локстене, Межмали), в то время как значительные экономические центры (Кокнесе, Асоте, Тервете и др.) все сильнее укрепляются и превращаются в укрепленное место жительства феодала — замок. В этот период, в значительной мере под влиянием климатических условий, прекращают свое существование и свайные поселения. В то же время сельские поселения продолжают существовать без значительных перемен в приемах строительства. Для укрепления насыпи городищенских валов, достигавших иногда в XI—XIII вв. высоты 7—8 м, начиная с X—XI вв., все чаще используются камеровидные внутриваловые укрепления (Асоте, Олинькалнс). С X—XI вв. при городищах с небольшой площадкой появляются обширные (площадью до 13 га) посады ремесленного характера, выросшие в большинстве своем из более ранних поселений (Межотне, Тервете и др.). Плотная заселенность с преобладанием построек хозяйственного характера наблюдается в это время в форбургах (Кокнесе). В сравнении с городищами, где в XI—XIII вв. доминируют глинобитные печи, в форбургах (Тервете), посадах (Добеле), на открытых поселениях (Пигены), встречаются еще печи-каменки и даже открытые очаги.

5. В результате завоеваний крестоносцев в XIII в. большинство городищ Латвии было уничтожено. Исполь-

зуя стратегически выгодное расположение городищ, немецкие крестоносцы на месте многих из них, особенно в центральной и восточной Латвии, построили свои каменные замки. Тем не менее, по данным археологических раскопок, жизнь на целом ряде городищ продолжалась без значительных изменений в строительстве еще в начале XIV в. Это особенно характерно для западной Латвии, где каменные замки не строились на месте городищ местного населения. Это свидетельствует о том, что в ряде округов Латвии местная феодальная верхушка в XIV в. еще сохраняла свое экономическое влияние.

В целом ряде немецких замков XIII—XV вв. (форбург Кокнесе, Локстене), за исключением каменных оборонительных стен, остальные постройки были деревянными с глинобитными отопительными печами и имели черты, характерные для материальной культуры местного населения. В особенности это относится к замкам епископских вассалов, которые можно считать укрепленными усадьбами феодалов (Локстене). Типично немецкими являются замки-крепости, построенные Орденом (Алтене), в которых постройки имели каменные основания и нижние этажи с особыми печами для обогрева помещений теплым воздухом. В XV в., в связи с развитием барщинного хозяйства и появлением огнестрельного оружия, дальнейшее укрепление ряда замков (Локстене, Алтене) было прекращено. После Ливонской войны в XVI в. сильно укреплены были только крупные средневековые центры (Кокнесе, Селпилс и др.).

6. В то время как оборонительные и жилые сооружения на городищах и в замках в течение более чем 1000-летнего периода претерпели сильные изменения в конструкции, посады и сельские поселения (последние даже в первой половине II тысячелетия) простого люда сохраняют несложные срубные постройки с печами-каменками и открытыми очагами. Можно убедиться в том, что социальная верхушка (как местные, так и немецкие феодалы) все более отгораживается от простого народа. Это нашло выражение как в том, что жилая застройка простого люда располагалась вне территории укрепления, так и в характере вещевого материала.

Б. А. Рыбаков

ЯЗЫЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА РУССКИХ УКРАШЕНИЙ XII в.

1. Одним из важных историко-культурных вопросов, связанных с прикладным искусством, является вопрос о семантике декоративного узорочья средневековья. Обилие и многообразие сюжетов заставляет отобрать для анализа только такую область прикладного искусства, которая обеспечена выразительным и многочисленным материалом.

В первую очередь следует рассмотреть узоры на колтах и широких браслетах, представленных в большинстве русских кладов. Все вещи из этих кладов — изделия городских и придворных мастеров. Ограничим себя только одной хронологической группой кладов, зарытых в 1170—1240 гг. Они синхронны «Слово о полку Игореве» с его изобилием языческих реминисценций, резному орнаменту белокаменной архитектуры 1160—1230 гг. и ряду церковных поучений против язычества, раскрывающих перед нами мировоззрение не только русской деревни, но и городских и боярских кругов XI—XII вв., представлявшее собою смесь языческого с христианским.

2. На колтах и браслетах мы можем насчитать около 50 различных сюжетов, иногда образующих устойчивые композиции. В наиболее поздних вещах XIII в. композиции нарушаются, смысл их, очевидно, утрачивается.

Многие образы, как например древо жизни, сирины, кентавры, львы, грифоны и другие, являются широко распространенными в средние века и должны изучаться подобно «бродячим сюжетам» фольклора на очень широком фоне искусства Старого света. Нас сейчас интересуют русское осмысление этих сюжетов в XII в. и причины заимствования.

3. Важнее всего получить ответ на вопрос о содержании русского прикладного искусства XII в.— продолжает ли оно выполнять магически-оберегательную функцию первобытного искусства или оно уже полностью от нее освободилось и несет лишь только эстетическую нагрузку? Общий историко-культурный фон свидетельствует о живучести языческого мировоззрения и обрядности не только в крестьянской, но и в городской и даже княжеско-боярской среде.

На колтах и наручах изображено очень много разнообразных символов плодородия и в виде древа жизни, молодых ростков, кринов, семян и прорастающих корней. Все они выражают извечную идею роста жизненных сил, идею Жизни. Некоторые элементы полностью, до мелочей совпадают с архитектурной орнаментикой, что говорит о единстве художественных вкусов мастеров золотых и серебряных дел и резчиков по камню, украшавших церкви.

4. Ответом на поставленный выше вопрос о степени сохранности заклинательно-оберегательного смысла сюжетов русского узорочья может служить наличие на более поздних вещах XIII в. изображений христианских святых, заместивших собой архаичные языческие символы (диадемы — «венцы городчатые», мониста, колты). Иногда можно предполагать изображения патрональных святых (Орина, Варвара), но чаще всего изображался весь деисусный чин, т. е. самые главные божества христианского пантеона, связываемые в средневековой народной интерпретации с солнцем, землей — роженицей, водой, небом и людьми (Христос, богородица, предтеча, архангелы и апостолы). Идея деисуса — идея заступничества за людей. Появление этого всеобъемлющего христианского комплекса на тех местах, где ранее находилось «древо жизни» или фантастические существа или взлет Александра Македонского на небо, свидетельствует о том, что старые символы, замененные или оттесненные новыми, христианскими (в апотропеическом характере которых сомневаться нельзя) тоже имели оберегающий или заклинательный смысл.

Иногда языческое уживалось рядом с христианским на одном предмете. Такова, например, Киевская золотая диадема, где рядом с апостолами изображены девичьи головки и древо жизни.

5. На золотых княжеских колтах мы видим только один христианский сюжет — изображения Бориса и Глеба. Эти изображения непременно связаны с идеограммой ростка (крина) — всходов молодого растения. Даже плащи Бориса и Глеба всегда (не только на колтах) покрыты сердцевидными идеограммами ростков и круглыми точками (семенами?). Нимбы у них почти во всех случаях зеленые.

Все изобразительные данные из Киева, Чернигова, Новгорода, Волыни и Суздаля показывают, что в сознании русских людей XII в. имена первых русских святых обязательно связывались с идеей плодородия и молодых весенних всходов. В нашем распоряжении есть много материалов об аграрно-магическом характере культа Бориса и Глеба («Борис и Глеб сеют хлеб», «Борис — Хлебник», легенда о том, как Борис и Глеб запрягли злого змия в плуг и пропахали на нем Змиевы валы). Праздник Бориса и Глеба, установленный первоначально 24 июля, был перенесен в 1072 г. на 2 мая. Этот день не совпадает ни со днем смерти Бориса (24 июля), ни со днем смерти Глеба (5 сентября).

Западнославянские материалы говорят о большом языческом празднике в честь богини Живы в первых числах мая. В первых числах мая появляются (на широте Киева) первые всходы яровых хлебов. Аграрно-магический календарь IV в. н. э. из земли Полян начинает отсчет жизни яровых хлебов именно со 2 мая. Можно думать, что установленный в 1072 г. новый день борисоглебского праздника — 2 мая (торжественно подтвержденный и в 1115 г.) должен был заслонить собою древний языческий майский праздник. Это особенно естественно в условиях 1072 г., которому предшествовало много лет голода, засухи, неурожаев, приведших к отходу от христианства и возврату к язычеству («Слово о ведре и казнях божьих...»). Слившись с языческим праздником первых всходов, культ Бориса и Глеба должен был впитать в себя некоторые черты этого древнего аграрного культа, доказательство чему мы видим на каждом предмете XII в., украшенном изображениями этих святых.

6. На золотых колтах, кроме изображений Бориса и Глеба и сопровождающих их растений, мы видим следующие сюжеты: древо жизни и птица, древо и две птицы, женская голова в кокошнике с яснами и колтами в окружении растительных завитков, две птице-девы (сирины). Золотые уборы, в состав которых входили колты, по всей вероятности, являлись свадебными уборами и поэтому их орнаментика должна была отражать прежде всего идею плодородия. Этому вполне отвечали и древо жизни, и птицы, и изображение женщины (может быть, отдаленные отголоски культа Живы или Макоши?). Культ плодоносящих сил, выраженный посредством схемы ростка,

крина, проявился в деталях украшения вещих птиц — их оперение покрыто такими же символами семян и ростков с почкой, как и плащи Бориса и Глеба.

7. Одним из наиболее частых сюжетов на киевских золотых колтах является композиция из двух сиринов с идеограммой ростка в центре. Птице-девы изображены обычно в шапочках, головы их обведены нимбом. На крыльях, а иногда и на оперении видны те же идеограммы ростка с почкой и семена. Грудь всегда орнаментирована несколькими волнистыми полосами синего цвета. Связь сиринов с символикой воды и плодородия не подлежит сомнению. Крылатость связывает этих птиц-дев с небом. В расшифровке этого образа может помочь средневековое отождествление: «сирины — рекше вилы», а вилы хорошо известны южнославянской этнографии, как русалки, крылатые девы, охраняющие нивы и связанные влагой, росой. Культ сиринов-вил был широко известен Киевской Руси: вилы упоминаются рядом с богиней Макошью, им в жертву резали кур. Вилы — русалки — сирины были божествами плодородия, посредницами между землей и небом.

8. Оборотная сторона золотых колтов украшена почти всегда стандартной композицией: в центре фигура, образованная четырьмя ростками, обращенными в разные стороны. Это очень древний мотив, связанный с представлением о повсеместности. Символ жизни — росток обращен «на все четыре стороны». Внизу в маленьком треугольнике изображено семя. По бокам центральной четырехчастной розетки всегда изображаются узкие треугольники, напоминающие турьи рога, известные нам по княжеским курганам X в. На некоторых колтах рогообразные треугольники имеют даже схематически изображенное устье. Орнамент на «рогах» или городчатый (как на оковке турьего рога из Гнездова) или в виде вьющегося растения (как в Черной могиле). Вполне возможно, что здесь действительно изображались турьи рога — ритоны, так широко представленные и на идолах славянских богов и в свадебной обрядности ряда народов. Вьющееся растение — очевидно хмель, необходимый для изготовления меда, наполнявшего рога. Хмель неразрывно связан со славянской свадебной обрядностью.

Всю композицию оборотной стороны золотых колтов можно прочитать так: «Пусть живительная сила распро-

странится над этим семянем во все четыре стороны! Два рога с ритуальным хмельным медом подняты за здоровье обоих молодых».

9. Орнаментика серебряных колтов проще. Здесь нет ни турьих рогов, ни четырехчастной композиции, ни русалок-вил, ни девушек в кокошниках. На серебряных колтах представлены в основном две темы: древо жизни (иногда сильно стилизованное) и крылатое чудище. Чаще всего обе темы даны одновременно на обоих сторонах колта. Чудище изображалось по-разному: 1) с птичьей головой, двумя лапами и стилизованными крыльями; 2) с собачьей головой, двумя лапами и крыльями (как иранский Сэнмурв по К. В. Тревер); 3) в виде орлиноголового грифона и 4) в виде четвероногого крылатого зверя с собачьей мордой. Можно думать, что все эти разновидности крылатого чудища олицетворяли славянского Симаргла, близкого по своим функциям к Сэнмурву и грифону, т. е. божества охраны семян, посевов, растений и их корней, безусловно благожелательное по отношению к человеку.

Эти два орнаментальных сюжета выражали древнюю дуалистическую веру в борьбу добра и зла: древо жизни олицетворяло добро, мирное произрастание, а чудище — Симаргл боролось со злом на земле и на небе, защищая владелицу колта.

Символика добра и зла (точнее борьбы с ним) наполняет все прикладное искусство.

10. Совершенно особый мир образов раскрывается нам на широких двустворчатых браслетах. Здесь появляются кентавры, львы, солярные знаки, пьющие и пляшущие люди, гусляры и домрачеи. Сохраняются сирины-вилы, Симарглы, птицы, древо жизни, но никогда на браслетах не встречаются изображения христианских святых.

Возможно, что полное отсутствие христианских изображений связано с самим назначением браслетов — они предназначались для праздничной женской одежды с длинными рукавами, надеваемой для плясок. Перед пляской женщина должна была снять браслеты и освободить длинные рукава. Пляски, игрища особенно в дни «русалий», очевидно, носили ритуальный заклинательный характер, так как подвергались исступленному преследованию со стороны церкви. Заклинательный характер

пляски с длинными рукавами (когда женщина как бы обретала крылья и сама становилась вилой) отразился в русской сказке о царевне-лягушке — после взмахов рукавами появлялись леса, сады, озера, лебеди. Русалии были молениями о воде. Участие браслетов в «бесовских игрищах», с одной стороны, насытило их особыми сюжетами, а с другой стороны, не позволило мастерам-ювелирам помещать на них изображения каких бы то ни было христианских святых.

11. Большинство широких браслетов разделено по горизонтам на две зоны, резко различающиеся по системе орнаментации. Чаще всего верхнюю зону художники расчленяли несколькими арочками, внутри которых гравировались птицы, звери, люди, деревья. Арки иногда производят впечатление церковных закомар, а иногда — настоящей аркады с колоннами. В любом случае они выражали понятие земли, по которой ходят люди и звери, из которой вырастают растения. Тогда нижнюю зону естественно толковать как толщу самой земли или как подземный мир. Арки могли выражать понятие неба, небосвода (тем более, что иногда они покрыты точками, быть может, символизирующими дождь или звезды). Иногда над арками изображалась человеческая маска (солнце?). Последние два предположения не очень убедительны.

12. В нижней зоне браслетов преобладают два орнаментальных мотива: распластанные вширь корневища с отростками и ритмичная плетенка. Плетенке нижнего яруса иногда соответствуют в верхнем ярусе женские фигуры с сосудами в руках. Это позволяет понимать плетенку как идеограмму воды. Вода в сочетании с корнями — прекрасное выражение идеи плодородия и в то же время содержания русальных плясок-молений, целью которых было получение небесной воды для земных корней.

13. Большой интерес представляют солярные знаки, включенные в плетеный орнамент. Это обычно круг, перекрещенный наискось двумя полосами. Иногда встречаются только два косых креста рядом без круга. Нередко солнечные знаки как бы сплетены с идеограммой воды (чаще всего парные знаки).

Изображение двух солнечных знаков рядом ведет нас к древним славянским календарям, отмечавшим таким способом месяц июнь. На наиболее подробном календаре IV в. из с. Ромашки под Киевом двумя крестами отмечен

день Купалы (24 июня), день летнего солнцеворота, делящий год надвое. Дню Купалы предшествует «русальная неделя» и дни, когда полям нужен дождь; сама же русальная неделя, завершавшаяся купальской ночью с ее поисками трав, плясками и кострами — это время цветения хлебов, когда дождь временно не нужен. Купальская обрядность — сочетание культа воды, русалок и солнца, огня. Русалки в эти дни выходят из своих источников и рек и бродят по цветущим полям. На календаре из Лепесовки (Волынь), где все двенадцать месяцев изображены особыми рисунками, июнь, «русальный месяц», обозначен двумя косыми крестами, знаками солнца и огня и волнистой линией, символом воды.

Такое же сочетание двух косых крестов (в кругу или в прямоугольной рамке) с волнистыми линиями, сплетенными в красивый узор, мы видим и на многих широких браслетах, в которых женщины приходили на «бесовские игрища» русалий.

Зимние русалии приходились на пору зимнего солнцеворота (24 декабря и 6 января), а летние русалии начинались в июне (4 июня — Ярилин день — семик — «русалчин велик день») и достигали апогея ко дню Ивана Купалы 24 июня.

Частое изображение в русском декоративном искусстве «двойного солнца», очевидно, связано в своих истоках именно с русальной обрядностью, с двумя периодами в году, когда солнце меняет свой бег, делит год надвое: в дни зимнего «корочуна» и летних купальских русалий.

14. Особой темой является растительный орнамент на браслетах. Он необычен здесь, но крайне интересен. Во-первых, растительный орнамент резко делится по зонам браслетов: в нижней зоне — корни с глазками и побегами или связанные попарно или отдельные корневища, тоже с побегами. В верхней зоне браслетов мы видим три типа растений: 1) трилистники и пальметки, вписанные в сердцевидную фигуру, помещенную острием вверх. Возможно, что здесь мы имеем дело со стилизованным изображением молодого папоротника (для опознания важны боковые отростки). В архитектурном декоре папоротник изображался иногда довольно реалистично (Дмитровский собор во Владимире). Папоротник повсеместно связан с купальской обрядностью; 2) часто

изображается «древо жизни» в виде двух сильно изогнутых ветвей растения, то сближающихся, то расходящихся с овальными плодами на концах ветвей. Это «древо» обязательно имеет два корня и две ветви, образующие при соединении сердцевидную фигуру, обращенную острием вниз; 3) своеобразный тип растительного орнамента: две короткие ветви отходят от вертикальной линии, листья на них полураспустившиеся. Иногда эти ветви могут быть приняты за простое заполнение орнаментальных пустот растительными завитками, но против этого говорит изображение их отдельно в центре колтов или на щитках перстней (в этих случаях ветви отходят горизонтально в обе стороны от центральной вертикальной опоры). Есть этот сюжет и в этнографии.

15. Можно высказать предположение, что все виды растительного орнамента на браслетах (а может быть, и на колтах) передают в стилизованном виде разные стадии роста священного растения славян — хмеля. Хмель шел на изготовление ритуального меда и пива. Еще в XVI в. существовал обряд церковного освящения хмеля. Песни о хмеле широко известны у всех славян. Хмель был обязательным элементом свадебного обряда. Хмель и хмельные напитки играли у славян такую же роль, как «хома» — священное растение и священное питье у иранцев или сома у индийцев (может быть, здесь один индоевропейский корень: ср. ХЪМЕЛЬ — ХОМА — humulus).

Орнамент передает все стадии роста хмеля:

1) два перевязанных корневища, встречаемые в нижней зоне браслетов, соответствуют посадкам хмеля — его сажают корневищами по два в одну лунку;

2) когда хмель начинает виться и пускать боковые плети, лишние плети отсекают, оставляя лишь две. С этим можно связать две ветви в орнаменте, как бы отходящие от вертикальной тычины;

3) сердцевидную композицию из двух изгибающихся, но не сомкнутых ветвей, иногда с крохотным шариком (пыльцой?) в раструбе, следует связывать с цветением хмеля (около 23 июня);

4) сердцевидная же композиция, но с ветвями, отяжеленными шишками, может быть сопоставлена с порой созревания хмеля;

5) одиночные корни с побегами, отсекаемые от разросшегося растения, служили для новых посадок. На брас-

летах в нижней зоне мы часто видим эти отдельные корневища всегда с побегами и ростками.

Календарно эти стадии охватывали время от ранней весны до июля — августа; появление боковых ветвей и цветение хмеля происходит в июне, совпадая с двумя циклами русалий. Зная огромную роль виноградной лозы в южной орнаментике, мы не должны удивляться широкому применению хмеля в орнаменте тех областей, где виноградарства не было.

16. Некоторые браслеты особенно драгоценны тем, что на них есть не только языческая символика, связанная с русальной и купальной обрядностью (двойное солнце, струящаяся вода, ветвящийся и цветущий хмель), но и изображения самих русалок и русальных игрищ. На том киевском браслете (клад 1889 г.), где имеется двойной косой крест и символизирующая воду плетенка, в арочках награвированы вилы-русалки, расположенные по сторонам папоротникообразного растения.

Исключительный интерес представляет браслет из Тверского клада 1906 г., один из лучших в художественном отношении. Схема расположения в шести арочках и шести клеймах нижнего яруса такова:

Стоящая женщина и Симаргл	Мужчина	Сидящая женщина	Спелый хмель	Китоврас	Зверь с проц ветшим хвостом
плетенка (вода)	два корня	плетенка с «двойным» солнцем	корень	два корня	плетенка (вода)

Женщины простоволосые, одеты в длинные рубахи без пояса, с рукавами, стянутыми браслетами, по подолу идет кайма; широкая орнаментированная полоса идет сверху от ворота посреди груди вниз до подола. Обе они льют из треугольных кубков (рогов?). Левая, стоящая женщина держит свой кубок левой рукой, а правой рукой прикасается к крылу Симаргла. Симаргл как бы вырастает из земли, как растение, и на высоте локтя женщины плавно изгибается и устремляется мордой снова к земле. Ясно видны лапы и крылья. Туловище чудовища, узкое как стебель, покрыто точками, как стебли хмеля. Хвост похож на корни растений.

Мужчина в вышитой рубахе показан в прыжке или в танце. Правой рукой он указывает на небо. Мужчина и правая сидящая женщина смотрят на ответвляющиеся парные ветви хмеля. Не этот ли обряд, связанный с ка-

ким-то богом Переплутом (?), описан позднейшими источниками: «вертячеся пьют ему в розех» («приплясывая, вертясь, пьют в честь него из рогов»)? Если архаичный Симаргл был охранителем корней растений, то он мог получить впоследствии (по переплетенным корням или плетям хмеля) имя Переплута.

Браслеты из ГИМа на одной створке дают в арочках птиц, клюющих что-то, и зайцев. И птицы и зайцы упоминаются в средневековых гаданиях. Другая створка в двух арочках содержит изображение сидящей женщины с браслетами на руках и мужчины; в двух других арках мужчина играет на каком-то инструменте, а женщина пляшет, распустив рукава до земли. Одежда ее орнаментирована.

Киевский браслет (опубликованный Н. П. Петровым) содержит два изображения Симаргла (по Н. П. Петрову и Макаревичу) и птицу, прячущую голову под крыло, и среди них три человеческих фигуры: в середине гусляр в колпаке, в длинной вышитой рубахе играет на асимметричных пятиструнных гуслях. В левой арке женщина в паневе или плахте, в вышитой рубахе пляшет с распущенными рукавами, также доставая ими до земли. В правой арке — пляшущий мужчина в вышитой рубахе, вправленной в штаны, с мечом и щитом. Мы знаем, что на игрищах иногда устраивалось подобие турниров, где участники могли быть «поколоты в игрушке».

17. Рассмотренные нами две категории русских вещей XII—XIII вв. с орнаментом — колты и браслеты — показали нам, что очень многие орнаментальные мотивы воспринимались как магически-охранительные и были связаны с идеей плодородия и с русальной заклинательной обрядностью, а это дает ключ к пониманию семантики декоративного искусства той эпохи вообще.

А. Н. Кирпичников

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ КЛИНКОВАЯ ЭПИГРАФИКА

В 1963—1964 гг. была произведена расчистка 100 мечей из музейных собраний Ленинграда, Москвы, Смоленска, Киева, Чернигова, а также (по нашей просьбе)

Хельсинки. На 75 из них открылись ранее неизвестные начертания и дамаскировка.

Обнаруженные клинковые клейма являются важным новым историческим источником — они указывают центры производства белого оружия и отражают развитие феодально-рыцарской идеологии.

60% мечей конца IX — начала XI в. из Руси и Волжской Болгарии, судя по их метам (имена кузнецов, знаки в виде круга, креста и подковы), изготовлены, по всей вероятности, в прирейнских каролингских мастерских. Остальные как клейменые, так и «чистые» полосы, возможно, относились к местным изделиям, их точное происхождение, однако, гадательно. На Руси эпохи Владимира и Ярослава производились, как свидетельствует меч с русской надписью, собственные подписные лезвия.

Среди восточноевропейских мечей XII—XIII вв. из Латвии и Руси обнаружены привозные экземпляры, снабженные именами ремесленников, различными латинскими изречениями и пробирными марками. Половина всех клинков этого периода с клеймами (знаки, некоторые фигуры, орнаменты, дамаскировка) или без них, возможно, связана с местными кузнецами. Изображение меча с русскими княжескими знаками на одной из икон XII в. доказывает, что производство русских меченых лезвий продолжалось и в предмонгольскую пору.

«Клинковая эпиграфика», подтвердив общеевропейское единство в развитии средневекового рубящего оружия, свидетельствует о существовании крупных клинковых «фабрик» и налаженной торговле мечами, она же устанавливает деятельность местных кузнецов, оформлявших привозные лезвия своими рукоятями и ковавших собственные клинки.

Ю. Л. Щапова

ПРОИЗВОДСТВО И СБЫТ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. Производство и сбыт продукции в древности — для археологии проблема чрезвычайной важности. Но именно этот вопрос с трудом поддается археологическому

изучению. Существенную помощь в деле решения этой проблемы можно извлечь, применяя к изучению археологического объекта методы естественных наук. Для истории стеклоделия древнейших эпох вслед за анализом химическим большое значение имеет анализ спектральный.

2. К древнерусскому стеклу, хорошо изученному археологически, оказалось возможным приложить практически неограниченное число анализов состава стекла. В результате сложились представления об истории русского стеклоделия, которые в целом хорошо согласуются со взглядами на развитие и характер древнерусского ремесла.

3. Производство стекла возникло в Киеве на рубеже X—XI вв. под влиянием византийского стеклоделия. Вплоть до 30-х годов XII в. Киев был единственным городом, где из калиево-свинцово-кремнеземного стекла изготавливалась посуда, украшения, оконные стекла. Прежде всего в Киеве начали употреблять стекло для глазурования керамических изделий: парадной посуды, игрушек, архитектурных деталей.

Из Киева в другие земли древней Руси вывозилась посуда, оконное стело, мелкие украшения (бусы, перстни). Посуда оседала главным образом вокруг Киева. Однако ее часто можно было встретить в богатых домах городов, далеко отстоящих от Киева: в Смоленске, Новгороде, Москве, Новогрудке, Владимире. Бусы, напротив, достигали глухих деревень не только русских, но и ближайших соседей в Прибалтике и Приуралье.

4. География стеклоделательных центров значительно изменилась в начале XII в., когда мода на стеклянные браслеты определила появление мастерских по их производству в Новгороде, Смоленске, Полоцке, Рязани.

В мастерских этих городов стеклянные браслеты производились из свинцово-кремнеземного стекла, начиная с середины XII в. и до середины XIV в. Будучи рецептурно одинаковыми, стеклянные браслеты разных городов различаются набором микропримесей к основному составу. Причем набор их стабилен на больших группах на протяжении двух столетий. Это и помогает различать браслеты разных городов и определять происхождение их в разных комплексах.

В большинстве своем стеклянные браслеты изготавливались в киевских мастерских, именно поэтому на большей части территории Руси они исчезают после татаро-монгольского разорения Киева в 1240 г.

Размах торговли Киева стеклянными изделиями с другими городами вполне соответствовал месту, которое Киев занимал на Руси. Браслетные мастерские в ряде городов были своего рода «дочерними предприятиями», которые вскоре стали зависеть не столько от Киева, сколько от местных условий (эта зависимость хорошо проступает в системе снабжения стеклоделов сырьем, источники которого были хорошо известны новгородцам или полочанам.

Местными стеклянными браслетами снабжалась территория, прилегавшая к городу, связанная с ним политически или экономически. Иногда можно встретить провинциальные браслеты на традиционных торговых путях.

5. Производство в средние века в своем развитии сталкивается с необходимостью преодолеть ограниченность рынка. Торговля лишь отчасти разрешает эту проблему. Нередко мастера выселяются в другие города в поисках надежных и устойчивых рынков сбыта. Примеры из истории производства и сбыта стекла на Руси свидетельствуют как раз об этом.

В. В. Кропоткин

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1. Византийские монеты поступали на территорию Восточной Европы с момента образования Восточно-Римской империи в IV в. н. э.

2. Изучение топографии находок византийских монет на территории Восточной Европы позволяет высказать некоторые предварительные замечания о характере экономических связей Византии с населением Восточной Европы с IV по XIII в. н. э.

3. Золотые византийские монеты являлись основным платежным средством в международной торговле при крупных торговых сделках.

4. Поступление золотых византийских монет на территорию Восточной Европы происходило не только по торговым каналам, но и в результате военных событий и договорных обязательств (выплата дани, выкуп пленных и т. д.).

5. Византийские солиды IV—VII вв. н. э. зарегистрированы на территории Восточной Европы в значительном количестве как в составе кладов (Брестов, Кирилены, Рублевка, Луганск, Белояровка, Майстров), так и среди погребального инвентаря богатых кочевнических захоронений (Малое Перещепино, Новые Сенжары, Макуховка, Печеная, Келегейские хутора). Единичные находки солидов IV—VII вв. встречаются в степной и лесостепной полосе Восточной Европы (Кичкас, Жаботин, Нехвороща, Городенка, Капустинцы, Лимаровка, Красов и др.). Значительное число золотых монет IV—VII вв. н. э. было превращено в подвески и украшения конской сбруи, т. е. происходила усиленная демонетизация солидов.

6. Золотые византийские монеты IX—XII вв. поступали на Русь в ограниченном числе; номисмы встречаются в составе вещевых и денежных кладов и как единичные находки на поселениях и в погребениях.

7. Северная граница распространения золотых византийских монет IX—XII вв. проходит по линии: Пинск — Псков — Смоленск — Чернигов — Курск. Клады золотых монет сосредоточены по Днепру и его основным притокам. Клады свидетельствуют о крупной международной торговле Киева и других древнерусских городов, об интенсивных экономических связях Византии и древней Руси.

8. Византийские милиарисии IX—XI вв. изредка встречаются в составе кладов на Руси и в Прибалтике как незначительная примесь в куфическим и западноевропейским монетам. Незначительное число единичных находок милиарисиев не может поколебать заключения, что византийское серебро не имело существенного значения в денежном обращении древней Руси и Прибалтики в IX—XII вв. н. э. (см. таблицу).

9. Однако исторические свидетельства (договоры Руси с греками и др.) и некоторые нумизматические факты говорят о важной роли Византийской империи в экономической жизни древней Руси.

10. На Таманском полуострове, по-видимому, в древней Таматархе-Тмутаракани чеканили монеты, являющиеся варварским подражанием милиарисию Василия II и Константина VIII (976—1025).

11. В некоторых древнерусских кладах (Шпаньково, Лодейное поле) найдены варварские подражания милиарисию Василия II и Константина VIII иного типа, чем таманские, которые, по-видимому, чеканились в северных районах Европы.

12. Древнерусская монетная чеканка X—XI вв. возникает на Руси на основе византийской монетной системы того времени. Византийские золотые и серебряные монеты X—XI вв. явились прототипом для русских резчиков, изготовлявших штемпели для древнерусских монет X—XI вв.

13. Прекращение притока иноземной серебряной монеты не может свидетельствовать о сокращении или полном упадке экономических связей древней Руси с соседними государствами, в том числе и с Византией. Сокращение притока серебряных монет в южные районы Руси вызывает усиленный приток византийских медных монет, в частности анонимных монет X—XIII вв. н. э., клады и единичные находки которых известны на Днепре и его притоках.

14. Изучение торговых связей средневекового Херсонеса можно проследить по распространению медных херсонесо-византийских монет в Северном Причерноморье и Поднепровье (Саркел, Тмутаракань, Керчь, Киев и т. д.).

15. Широкое распространение византийской медной монеты на Руси в X—XIII вв. свидетельствует о том, что иноземная монета широко использовалась не только в международных связях, но и во внутренней торговле Руси.

16. Процветание древнерусских городов в XII и начале XIII в., когда приток восточных и западноевропейских монет на Русь полностью прекратился, указывает на то, что развитие городского ремесла и товарного производства протекало в значительной степени независимо от изменений во внешней торговле, которые приводили к росту или сокращению притока драгоценных металлов.

Находки византийских милиарисиев в кладах древней Руси и Прибалтики IX—XIV вв. н. э.

Время зарытия кладов (столетия)	Число кладов	Число византийских милиарисиев	Число подражаний византийским милиарисиям	Число византийских милиарисиев и подражаний	в %
IX	3	3	—	3	1,3
X	13	17	—	17	7,1
XI	22	77	2	79	33,2
XII	8	133	5	138	58,0
XIII	—	—	—	—	—
XIV	1	—	1	1	0,4
Итого . . .	47	230	8	238	100,0

А. Л. Монгайт

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ИССЛЕДОВАНИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ В XX в.

1. Историк, пытающийся охарактеризовать то или иное событие или явление, должен прежде всего ответить на четыре вопроса, что произошло, где произошло, когда произошло и почему произошло. Те же четыре вопроса стоят перед археологом, но они осложнены особенностями археологических источников. Археолог имеет дело не с историческим фактом, как таковым, а лишь со свидетельствующими о нем материальными остатками, сам же факт предстает результатом научной реконструкции. Вещи, по которым мы судим о событиях, иногда удалены на огромные расстояния от места, где они были сделаны или где впервые возникли их образцы, и мы должны установить, где находится это место и что является объектом миграции — сама вещь, идея вещи или народ, носитель этой идеи. Всем хорошо известна сложность датировки вещевых источников, в особенности, если учесть, насколько несинхронно развивались отдельные группы человечества: каменный топор, служивший египтянам в V тысячелетии до н. э., служил жителям Океании в XVIII в. н. э. Пожалуй, только четвертый вопрос о при-

чинной связи событий — представляет одинаковую сложность и для историка и для археолога

2. Развитие археологии, как науки, обладающей собственным методом исследования, началось в XIX в. с создания типологических и классификационных схем, способствовавших установлению археологической хронологии. Обоснование системы трех веков Томсеном и Ворсо и создание периодических систем Мортилье и Монтелиуса заложили основы современной археологии.

Прогресс в XX в. заключался прежде всего в том, что к собственно археологическим методам исследования были присоединены методы, заимствованные из естественных наук. С геологией и палеонтологией первобытная археология была связана с самого своего возникновения. В 1912 г. де Геер предложил датировать археологические древности по отложениям ленточных глин. После опубликования в 1920 г. работ М. Мешанковым были сделаны попытки датировки по данным об интенсивности солнечных излучений. Распространенным в археологической практике стал пыльцевой анализ, применяемый также для сравнительной датировки. В начале XX в. был предложен метод установления исторической хронологии по годичным кольцам деревьев. Только сравнительно недавно он успешно применен в условиях северо-восточной Европы Новгородской экспедицией.

В 1948 г. В. Либби предложил метод датировки по радиоактивному углероду (С — 14). Сейчас советскими, французскими и английскими учеными разрабатывается метод датировки керамики по данным палеомагнетизма. Предложены методы датировки по термолюминесцентному свечению, по содержанию в ископаемых костях фтора и др. Следует сказать, что все эти методы до сих пор сыграли большую роль в изучении первобытной археологии. Что же касается изучения славянских древностей, то поныне остаются важнейшими методы собственно археологические и основными признаются даты, установленные Пичем, Нидерле, Спицыным и другими классиками нашей науки. Конечно, с помощью новых методов и путем развития старых классических методов многие даты были уточнены, но не было столь значительных передатировок, которые бы изменили общий взгляд на развитие славянских древностей. Ученые в конце XIX и начале XX в. дали столь удачные ответы на вопрос:

«Когда это призошло?», что, несмотря на огромные успехи нашей науки, установленные ими даты сохраняются в значительной части поныне.

3. За последние 50 лет отмечается большое развитие археологической картографии, проявившееся и в накоплении фактов и в совершенствовании методов их фиксации. Если археологические карты, на которых регистрировались все найденные памятники старины, появились в разных странах еще в середине XIX в., то типологические, тематические карты только в XX в. стали неотъемлемой частью работы археологов. Карта перестала только служить иллюстрацией к тексту. Археологическая картография превратилась в один из методов научного исследования. Она позволяет делать обобщения и выводы в отношении общих или частных явлений общественной жизни в прошлом, таких, как изучение и изображение размещения и распространения отдельных видов производств сельскохозяйственных культур и т. п., а также отдельных типов вещей, определение торговых путей, экономических связей, локализация этнических, политических, культурных явлений и т. д.

Одним из важнейших результатов развития археологической картографии является возникновение понятия археологической культуры. В европейских странах многие археологические исследования сводятся к рассмотрению археологических культур и их взаимодействий. Следует, однако, отметить, что теоретически проблема археологической культуры остается малоразработанной и принципы выделения культур и в особенности определения того исторического явления, которое за ними скрывается, еще недостаточно ясны.

Еще великому Монтелиусу принадлежала идея о возможности сопоставления археологических культур и древних народов и о возможности на основании непрерывного развития культуры судить о генеалогии народа — ее носителя. Особенно широко эта идея пропагандировалась германским ученым Г. Коссинной, которому впоследствии ошибочно была приписана и честь ее открытия. Сама по себе эта идея очень плодотворна. Но если даже отбросить шовинистические наслоения в учении Коссинны и на время забыть о методологической слабости его научных построений, все же главной ошибкой остается то, что он и его ученики видели возможность

только этнического определения археологических культур, в то время как за ними скрываются разные формы исторических общностей.

4. На этом примере мы можем рассмотреть, как сложно археологу ответить на вопрос «что произошло?» и увидеть, что только XX век поставил перед археологами задачи такой сложности. Итак, с помощью картографирования археологи установили, что в каком-то строго ограниченном районе специфика встречающихся здесь археологических памятников свидетельствует о каких-то свойственных только этому району формах исторической жизни. Но о каких именно? Что археологическая культура представляет этническую общность — это только одна из возможностей. Отдельные культуры могут представлять собой определенный хозяйственно-культурный тип и являться выражением специфических особенностей развития в различных географических условиях, другие культуры могут представлять собой то, что этнографы называют «историко-этнографическими областями», и тогда трудно ответить на вопрос, имеем мы здесь дело с родственными по происхождению и близкими по языку группами или разнородными группами, выработавшими в результате длительного исторического контакта общие черты в своей культуре.

Если мы еще и не умеем полностью ответить на все эти вопросы, то самая возможность их постановки свидетельствует о том, что археология в XX в. превратилась в отрасль исторической науки, способную, используя свои методы, участвовать в решении сложнейших исторических проблем, в частности проблем этногенеза.

5. Вопрос об археологической культуре является лишь этапом на пути более сложных исторических реконструкций. Особенно большие успехи археологии в реконструкции хозяйства и экономической жизни древних обществ. Здесь опять-таки на помощь приходят методы естественных наук: металлография, спектрография, химический анализ, пыльцевой анализ, палеозоология, палеоклиматология и т. д. Гораздо сложнее реконструкция социальной и духовной жизни. Некоторое время назад считали, что археологические материалы вообще не дают оснований для таких реконструкций. Заслугой науки XX в. является преодоление таких взглядов. Несмотря на постоянные напоминания о том, что они считают истори-

ческие явления индивидуальными и неповторимыми, все большее число ученых, отрицающих закономерность исторического развития, дают исторические реконструкции, в конечном итоге основанные на признании такой закономерности. И в этом нельзя не видеть влияния идей марксизма на современную науку.

6. Здесь мы сталкиваемся с последним из поставленных перед нами вопросов: «Почему произошло то или иное историческое событие?» Проблему причинности социальных явлений историки разрешали и разрешают от Геродота до наших дней. Но именно концепция исторического материализма, согласно которой основной причиной, обусловливающей весь сложный процесс развития общества, является необходимость производства материальных благ, дала в руки археологам средство для понимания многих явлений, представленных в археологических материалах. Признание того, что между материальной культурой и социально-экономической жизнью общества на любой ступени его развития существует определенная закономерная связь, является важнейшим методологическим принципом марксистской археологии.

Признание закономерности исторических явлений, их обусловленности экономическими факторами, признание того, что человеческое общество развивается по своим особым законам и что эти законы могут быть выведены из исторического опыта, делает историю и археологию подлинной наукой, способной разрешать сложные и, казалось бы, неразрешимые научные проблемы. Эти основные принципы не отрицают ни многообразия причин, ни воздействия на развитие общества иных факторов — географических, биологических, психологических, ни диффузий, ни миграций, ни даже элементов случайности, но они отличают главное от второстепенного, основное от производного и не подменяют причину следствием.

А. А. Формозов

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» — ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1. «Отечественные записки», издававшиеся П. П. Свиньиным в 1818—1830 гг., по обилию статей исторического и археологического содержания могут рассматриваться как первый русский историко-археологический журнал.

2. Здесь был опубликован ряд важных источников по истории XVIII в., серия очерков о памятниках архитектуры в городах Европейской России, статьи по археологии Сибири, Северного Причерноморья в античную эпоху и русским древностям. Из последних отметим сообщения о черниговской гривне XIII в., кладах ювелирных вещей конца XII — начала XIII в. в Киеве и Старой Рязани, о раскопках 1824 г. в Киеве. Рисунки предметов из могил близ Изборска были первой публикацией изделий, характерных для Киевской Руси.

3. Замысел издания типа «Отечественных записок» возник у Н. И. Новикова еще в 1770-х годах («Сокровище российских древностей»), но не был осуществлен из-за недостатка подписчиков. Успех журнала П. П. Свиньина указывает на быстрый рост интереса к русской старине после Отечественной войны 1812 г.

4. Заслугой «Отечественных записок» нужно считать объединение вокруг журнала не только специалистов-ученых (Е. Болховитинов, В. Г. Анастасевич, И. А. Стемпковский и др.), но и десятков любителей-краеведов со всех концов страны

5. Хотя в журнале порой проявлялись реакционные тенденции, в целом роль его надо расценивать как положительную. «Отечественные записки» впервые познакомили широкую публику с русскими древностями, активизировали деятельность краеведов на местах, стали прототипом позднейших исторических и археологических изданий.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Н. Третьяков (Ленинград). Новые археологические данные по этнической истории восточнославянских племен в I тысячелетии н. э. 3

Ю. В. Кухаренко (Москва). Полесье и его место в процессе этногенеза славян 7

Д. А. Мачинский (Ленинград). О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур. (К вопросу о славянах на рубеже н. э.) 10

В. Д. Баран (Львов). Общие черты культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни 13

В. В. Кропоткин (Москва). Черняховская культура и Римская империя 15

В. В. Аулих (Львов). Славянское городище VI—VII вв. н. э. у с. Зимно в Западной Волыни 17

Л. Д. Поболь (Минск). Белорусское Поднепровье в I тысячелетии н. э. 19

А. Т. Смиленко (Киев). Историческая оценка памятников Поднепровья типа Перещепинского 22

А. И. Тереножкин (Киев). Культура племен Северо-Западной Скифии 24

В. А. Ильинская (Киев). Восточная часть украинской лесостепи в скифское время 26

И. К. Свешников (Львов). К вопросу о племенном составе населения Прикарпатья и Волыни в конце II и начале I тысячелетия до н. э. 28

С. С. Березанская (Киев). Культура тшинецко-комаровского типа в северных районах Украины 31

Б. А. Рыбаков (Москва). Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси». 33

М. К. Каргер (Ленинград). Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. . 39

Р. А. Юра (Киев). Новые памятники древнего Переяслава 41

В. И. Довженок (Киев). Чучин — древнерусский город-крепость на Днепре 43

Г. В. Штыхов (Минск). Полоцк и Витебск IX—XIII вв. в свете археологических исследований 45
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). Древний Новогрудок . . 48
А. А. Ратич (Львов). Древнерусские городища в Судовой Вишне (Львовская обл. Украинской ССР) 49
П. А. Раппопорт (Ленинград). Планировка западнорусских городищ X—XI вв. 52
В. И. Довженок (Киев). Некоторые вопросы археологического изучения древнерусской деревни домонгольского времени 54
М. Г. Рабинович (Москва). Некоторые итоги археологического изучения Москвы 58
Э. С. Мугуревич (Рига). Развитие раннесредневековых поселений на территории Латвии 60
Б. А. Рыбаков (Москва). Языческая символика русских украшений XII в. 64
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Восточноевропейская клинковая эпиграфика 73
Ю. Л. Щапова (Москва). Производство и сбыт стеклянных изделий в древней Руси 74
В. В. Кропоткин (Москва). Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник 76
А. Л. Монгайт (Москва). Методологический и технологический прогресс исследований по археологии в XX в. . 79
А. А. Формозов (Москва). «Отечественные записки» —первый русский историко-археологический журнал . . . 84

Технический редактор *Р. М. Денисова*

Сдано в набор 14/VII 1965 г.
Подписано к печати 22/VII 1965 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 2³/₄. Усл. печ. л. 4,51.
Уч-изд. л. 4,3 Т-09888. Тираж 1150 экз.
Изд. № 553/65. Тип. зак. 5781.

Бесплатно

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.

2-я тип. издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
20	3 сн.	полуземляночные наземные	полуземляночные и наземные
41	19 сн.	не был	не бы
42	6—7 св.	Богородичная	Богородицкая
55	4 св.	околье	ополье

Бесплатно